

СМЕНА

Ездить на лошади
некоторое дело, сам ло-
шадь смирна, покорна и
ленива. Вскрабкая на
ее спину и полевой седе
пятихоньку она не
скинет, не пошеет, не уку-
сит. Но по мне лучше
ничем итти. чем ездить
на такой лошади. Я люблю
горячих коней, быстро едущу.

— пишет Александр Кузнецов, девятикласс-
ник Луковичной средней школы, который снял
на этой фотографии
Письмо Александра Кузнецова читайте на
19 странице журнала.

Издательство „Травда“

4

Шестнадцать С ЧИТАТЕЛЬЯМИ

Уважаемая редакция! Я прошу вас ответить на один, очень важный для меня вопрос. Я кончаю среднюю школу. До этого года меня не смущал вопрос о том, кем я буду: у меня были определенные желания и намерения. Они, правда, менялись, но в каждый данный момент я всегда твердо знала, кем хочу быть. В шестом классе я решила, что стану учительницей. У нас был очень хороший классный руководитель, и старался подбодрить меня во всем и мечтал, что стану психологом и меня будут все так же любить и уважать, как мы, шестиклассники, уважаем и любим нашего классного руководителя. Потом, когда я уже перешла в седьмой класс, к моему отцу приехал в гости его старший товарищ — полковник летчик. Я рассказала ему рассказ о своем желании, и он посоветовал, что лучше этой профессии ничего нельзя придумать, — буду летчиком! Потом отказался от этой мысли, и, не помню уже почему, мне захотелось быть врачом-хирургом. Но уже в девятом классе я только и мечтала о работе геологом. А вот теперь, когда наступил решительный момент, ничего не могу решить. Я как бы стою на перекрестке многих дорог и не могу выбрать, по какой из них пойти. Я боюсь опуститься в положении человека, который, увалившись вназад, стонет, выходя себе профессию и потом обнаружил, что она для него скучна и неинтересна.

Может быть, вы посоветуете мне что-нибудь иное, по крайней мере, скажете, чем мне руководствоваться при выборе профессии? Скажите, если можете.

Москва.

Нина ПОЛИКАРПОВА

Вы задали нам трудную задачу. Конечно, мы не можем вам безапелляционно заявлять, будете педагогом, или будете летчиком, или хирургом, или геологом. Хотя за любую из этих профессий можно привести много доводов, так же как за десятки и сотни других. Для того чтобы дать вам исчерпывающий ответ, мы должны знать о вас больше, чем можно узнать из одного вашего письма. И не только узнать о вас, но и способствовать. А это ведь не всегда совпадает. Бывает, что человек стремится быть артистом, а артистический способностей у него мало, и лучше всего было бы для него стать, скажем, инженером. Поэтому каждый человек должен постараться очень трезво оценить свои способности и рассчитать, таким образом, где он больше всего может принести пользы и, следовательно, самому получить больше удовлетворения.

Но что же все-таки делать, если человек обидится или просто вынужден будет избрать не ту профессию, в которой стремился? В жизни и так может случиться.

С давних пор в школьной комсомольской организации существовало такое неписаное правило: на лето комсомольская организация уходит в отпуски, никакой работы на в школе не проводится. Комсомольцы-школьники, даже если они нигде не успевают летом, считают себя свободными от каких бы то ни было обязанностей и поручений.

По-моему, это абсолютно неправильно. По-моему, если в организации даже останется

только десять-двадцать человек, но никак не для комсомольской организации. Комсомольская организация школы — это сезанная организация. Она должна жить и работать

Мы с вами согласны. Летние канкулы установились для школы, но никак не для комсомольской организации. Комсомольская организация школы — это сезанная организация. Она должна жить и работать

Дорогая редакция!

Группа комсомола одной московской школы просит вас ответить на такой вопрос. Мы знаем много фактов из жизни комсомола во время гражданской войны, говоривших о мужестве и бесстрашии перед лицом смерти, об отваге и стойкости. Но все, что мы знаем, касается юношей. Нам неизвестны такие факты из жизни девушек. Мы не сомневаемся, что они есть, но мы ничего об этом не знаем. На этот вопрос очень интересно, и мы просим вас ответить на него.

Москва.

Группа девушек

Дорогие товарищи! Случалось, когда девушки — участницы гражданской войны — проявляли храбрость, мужество, героизм, действительно много. Девушки шагали рядом с юношами во время боевых походов, вместе сражались против врагов молодой Советской России.

Вы говорите, что не знаете девушек-героинь гражданской войны. Одну-то вы наверняка знаете — Анну из фильма «Чапаев». Это ведь не вымышленный персонаж. Под именем Анны изображена Мария Андреевна Попова — пулеметчица Чапаева и отличница. Она живет и работает поныне.

Но история не сохранила имен всех юношей и девушек-героев гражданской войны. Многие из них умерли безымянными, отдав свою молодую жизнь за наше общее дело.

В конце декабря 1949 года контраразведка арестовала семнадцать одесских комсомольцев-подпольщиков. Среди них были и девушки. Все семнадцать вели себя героически. Ни угрозы, ни издевательств, ни зверские пытки не могли вырвать у них ни одного слова. Десят из них были казнены. Из предместрий письма — документы величайшего мужества и самоотверженности. Вот одно из них:

«Милые, родные, через 24 часа меня повесят в назидание поповцам. Ухожу из жизни с полным сознанием исполненного долга перед революцией. Не успела ничего сделать. Что же! Глубоко убеждена, что процесс семнадцати человек имеет боль-

шому опыту: чем ближе осень, тем сильнее эскадронные настроения.

Николай Стояров
Москва.

круглый год и летом — не хуже, чем зимой, тем более, что дел для комсомольцев-школьников летом хоть отбавляй.

В следующем номере журнала да об этом будет рассказано более подробно.

шее значение для революции, чем смерть десятка человек из их числа. Милая сестра, не туржи обо мне, будь революционеркой, дупкой мам. Запечено тобою мальчику сделать то, чего не успела сделать я на революционном поприще. Он победит. Уничтожить скотов, и не только я, а и все остальные. Поем, ведем беседы на подпольские темы, после двух недель ареста стили пощипывала себя свободной. Только жалю и туржи, что сестрица многих славиков стого. Мне дождаться лет, но я чистую, что за это время стала горлодо старше. Мои желания в настоящий момент, чтобы вы все, мне близкие, отпустили с моей смерти так, как отпустил я, — легко и сознательно. Прощайте. Да здравствует коммунистическая революция!

Ида Красноречкина.

Вы живете в Москве и, наверное, знаете, что в Замоскворечье есть Лысенковская улица. Она названа так по имени одной героической девушки. Постарайтесь разыскать материалы о жизни и смерти этой замечательной девушки-революционерки, запишите ее биографию и принлите нам в редакцию.

СМЕНА

Общественно-политический и литературно-художественный журнал ЦК и МП ВЛКСМ для учащихся старших классов средней школы

В НОМЕРЕ: статья педагога Д. Гутнер «Смотри, читай, думай!», рассказ Б. Иванова «Малышка», очерк Н. Абрамова о революционеро-ученом Штернберге, очерк М. Постулякской «В путь, в путь!», страница стихов поэта А. Первоякинского, рассказ А. Палтонова «Валкиш человек», рецензия А. Югова на книгу С. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда».

№ 4

апрель 1941 г.
 Год издания восемь
 надцатый

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, 40, ул. „Правды“, д. 24, комната 710, телефон Д 3-34-24

Фото И. Гуциня

Я ГОРЖУСЬ СВОЕЙ ПОДРУГОЙ

Недавно я прочла в журнале «Смена» слова мозгового Маркса: «Опыт считает самым счастливым того, кто сделал счастливым наибольшее число людей...» Я думаю, что замечательны слова на всю жизнь. Терпеть не могу агонистов. Не может и не должен быть счастлив человек, думающий только о себе.

Нае, школьником, последнее время часто ругают за излишнее настроение, желание все взять глотанным, да то, что мы безоручки.

В этом много правды, и я сама знаю девочек, которые требуют у мамы новые туфли, а сами никогда не поинтересуются, есть ли у нее деньги на завтрашний обед.

Таких немало, и говорить о них неприятно, потому что все они очень похожи друг на друга в своем истинном агонисте. Мне хочется рассказать о своей подружке.

На первый взгляд, она очень обыкновенная девочка, но у нее, пожалуй, даже взрослые люди могли бы кое-чему поучиться.

Моя подружка Вера Дзяма, ученица восьмого класса «Б», очень замечательный человек. Она хорошо учится, хотя домашняя жизнь ее сложилась нелегко. В семье работает только мама, а кроме Веры, у нее растет еще младшая дочь. Мать целый день на работе, потому домашнее хозяйство отнимает у Веры очень много времени.

Я часто задумывалась, почему у Веры такой ровный и веселый характер, почему поняла, что это происходит от сознания постоянно и хорошо исполненного долга.

Всем, конечно, приходилось испытывать это чувство удовлетворения и свободы, когда как следует подготовишься к экзамену и хорошо сдашь его. Вера сдает такие экзамены на мелочах каждый день.

Перед школой она успевает сбежать в магазин за хлебом, после школы убирает комнату, готовит обед поочередно с матерью, кормит младшую сестру.

Многим могут показаться скучными все эти домашние заботы. И слышала, как некоторые старшихклассники говорят: «Мать посуду, подметать пол... Как это все прожить! Вот уже никогда не буду возматься с подобными вещами!» Ну почему они живут в ожидании какого-то праздника?

Видно, моя Вера со всей будничной хозяйственной работой справляется легко и просто, даже с удовольствием, она неск-

...Кроме обычных хозяйственных забот Вера взяла на себя и более тяжелую, черную работу: она натирала полы, замазывала и ставила оконные рамы осенью, выставляла их весной, стирает белье...

да промнит, что помогает матери, облегчает ее жизнь.

Мне кажется, если помнить все время о цели, можно так дисциплинировать себя, что тебе по силам будут самые трудные обязанности.

Кроме обычных хозяйственных забот Вера взяла на себя и более тяжелую, черную рабо-

ту. Она натирала полы, замазывала и ставила оконные рамы осенью, выставляла их весной, стирает белье.

Ей приходится иногда заниматься и совсем серьезным делом — воспитанием своей младшей сестры. И мне очень нравится, как она это делает. Мне известно, что старшие се-

ВРЕДНАЯ МАТЕМАТИКА КОРНЕЯ ИВАНОВА

стры любят командовать младшими. Несладно я прочла «Тимур и его команда» и несильно виновата Вера. Да, так же как и гайдаровской Озе, нравится слышать, как говорит младшая сестра, чем она занимается со своими подружками, но Вера всегда старается обвести девочку, почему несильно ходит к соседке почаще и кино, и не просто командует: «Сиди дома — и конечно!»

И вершины работы не пропадают даром: сестрица ее — отличница, много читает и начинает уже помогать матери и отцу по хозяйству.

Можно было бы подумать, что такой занятый человек, как Вера (я ведь забыла сказать, что она, кроме всего, учится в музыкальной школе и каждый день обязательно ищет на уроке), должен стоять в стороне от коллег.

Но Вера хорошо умеет организовать свой день и поэтому всегда находит время помочь отстающим товарищам. Она прекрасный математик, и часто у нее дома можно застать подружку, с которой она вместе учит трудные уроки.

Маме не хочется, чтобы подумали, будто Вера — воплощение всех добродетелей. Выясит, что она начнет болтать на уроках или вдруг превратит на маленькую сестренку, да мало ли что еще случается.

Но все-таки мама Вера привыкла относиться к ней как к взрослому и равному себе человеку, на которого можно положиться в серьезном деле.

Почему-то некоторые моя однокурсники и однокурсницы, как только дело касается их прав на свободу и самостоятельность, заявляют, что они взрослые люди, и возмущаются, если родители или что-нибудь запрещают. Но едва речь зайдет о домашних обязанностях, сейчас же вспоминают, что они еще «дети», и даже что-то гордятся, если не умеют делать самые простые вещи, с которыми легко справляется малограмотный человек.

Вера непохожа на других в этом отношении. Она привыкла к тому, что мать предъявляет к ней требования, как к настоящей помощнице, и обиделась бы, если бы этих требований не было.

Она знает: меньше требований, — значит, меньше уважения.

Мне кажется, что Вера, готовя обед у себя дома, работает со своей сестренкой, продумывает каждую подготовленную работу для будущей трудовой и политической жизни, хотя, может быть, она и сама не ожидает себе в этом отчета.

Она умеет уже сейчас жертвовать своими удовольствиями ради дела. Простая вещь: найдешь да ней, чтобы позвать в кино, отказывается. «Нет», — говорит, — не могу, у нас накопилось большая стирка».

Вера очень хорошо понимает, что надо давать что-то людям, с которыми живешь, а не только получать от них. Мне приходится читать в газетах о всевозможных геологических экспедициях, что тамне люди очень ценятся на работе.

Один раз я слышала, как о моей подруге иронически сказали: «Да, конечно, она много работает, но ведь она такой практический человек».

Поэтому, это очень хороший отзыв, хотя говорящий, должно быть, хотел умалить достоинство Веры такими словами. Практического человека легко себе представить в любой обстановке: на полярной зимовке, во время горного перехода, на стройке нового города и просто увеличившей в далеком селе. Нигде этот практический человек не растеряется, потому сумеет хорошо и удобно устроить свою жизнь и быть полезным обществу. И уверена, что Вера — именно такой практический человек и из нее выйдет прекрасный, культурный работник, полезный государству.

Я люблю ее и горжусь тем, что она моя подруга. Боюсь только, что она рассердится на меня за то, что я все это написала.

Ира МИРОВА

СЛОЖЕНИЕ

учебников куда-нибудь подальше

ВЫЧИТАНИЕ

с печальным остатком

УМНОЖЕНИЕ

плохих отметок

РазДЕЛЕНИЕ

труба во время занятий

и ИЗВЛЕЧЕНИЕ КОРНЕЯ из школы

СМОТРИ, ЧИТАЙ, ДУМАЙ!

Для определения людей у Николая были только два понятия—«хороший» и «плохой».

— Ну, что вы, ведь он хороший,— говорил Коля, растягивая слова и улыбаясь, когда суждали на что-либо его товарища.

Товарищ был умно, зол и неестествен. По отношению кому-то подражал, говорил басом, а смеялся тошнотным, неозаимодетским смехом. Привычные понятия: «хорош или «плох» — тут не подходили, и Николай совершенно терялся.

В прошлом году, когда класс познакомились с петровской эпохой и с личностью Петра I. Коля горячо спросил преподавателя:

— Как же так? Петр такой хороший, и вдруг — всеунывающий и всепыльняющий собор и все другие «прелести» петровского времени?

— Когда на комсомольской группе одного из 9-х классов разбирали речь Владимира Ильича на III съезде комсомола, Вера очень решительно заявила:

— Что значит морально для одного класса и аморально для другого? Подлец — всегда подлец. Вор — всегда вор, а честный человек всегда останется честным, с какой точки зрения к нему ни подходи.

— И совсем удивили меня письма Алексея, моего бывшего ученика. Как быстры у него переходы в оценке людей! То он в восторге от какого-либо товарища, то он в мрачной меланхолии от разочарования. За несколько месяцев он успел приобрести себе трех «другей на всю жизнь», потом горько разочароваться в них, приобрести новых и... и пока не знаю, надолго ли?

Как-то мы толковали об одном рассказе. Ребята взяли журнал, чтобы прочитать этот рассказ. Но в номере было еще много интересного. Какое же было мое удивление, когда они вернулись мне журнал, не взглянув дальше того, о чем мы говорили!

— А мы не знали, что там есть еще интересное!

В библиотеке группа девочек однажды возмущалась преподавателем:

— Николая страни не украсит. Вот и роись по всей кивьяк, ниш!

В читальне Исторического музея около консультанта столкнулся несколько человек. Большая девушка с молодой, юдочкой губы, стояла в сторжке. Она стояла уже давно, и мне стало любопытно: зачем она пришла сюда?

— Видите ли, мне нужно найти материал для сочинения, а консультант занят.

— Так вы подойдите к каталогу, поорейте и найдите нужное.

Она удивленно посмотрела на меня:

— Что вы? Откуда же я знаю, где и что искать?

И, воздохнув, продолжала ждать. У библиотекаря были заметные курашки, прическа набо-

минала парик бирюзовых времен, девушка, повидимому, гораздо лучше ориентировалась в парижских нежелях в читальном зале, и мне было ее до души жаль.

Мне вспомнились Любочка Тарасова, ученица 10-го класса. Она старательно распушала свои волоски, что-то делала с бровями, а выходя отвечать урок, вдруг нарекала такие фразы: «Най это был результат эпохи. Иного пути не было. Это была продрозверстка». И замолкала окончательно.

Рядом с ней сидело несколько подружек. Нельзя сказать, чтобы они были глупы, или ленивы. Нет. Они просто были катастрофически неразвиты. Они старательно записывали урок за преподавателем, выучивали дома, обычно отвечали и несмело бывали удивлены, получив посредственную отметку. Что же, дескать, еще от них требуется? Вроде бы все переосмыслил?

Однажды Люся Б. сделала в своей тетради такую запись: «Австрийская культура/ума не была принята». Класс гомерически хохотал, а мне было не до смеха. Записала Люся так потому, что не знала значения слова «культура/ума», а мне в голову не пришло, что этого можно не знать, и поэтому во время урока я и нешла нужным объяснить его. Моей класске мгновенно прекратился, когда я назвала некое слово означавших слов и спросила их об объяснении. Ребят поднялись три—четыре руки, и только двое правильно объяснили значение слова «культурный», «спандицист» и «повинности».

Ребята 10-го класса совершенно не умеют пользоваться словарем. Это для них нечто непереносимое. То, что объяснит преподаватель, стараются запомнить, а тем, что не объяснит, пренебрегут!

В 9-м классе учится Леся Т. Живая, умная, нахлебнивая, она частенько подтрунивает и над товарищами и над самой собой. Ее слабое место — знание иностранных слов.

— Эрудит, дилемма, муниципалитет, милитаризм — господи, как их много! — с приторной тоской выдыхает Леся и, лукаво поглядывая на учителя, спрашивает:

— Можно все это пропустить?

И, вместо того чтобы попросту заглянуть в словарь, она ходит за всеми впереред и пристраст, чтобы ей объяснили то или иное слово.

Любопытная деталь: у Леся очень чисто, только переписанным тетради. Везде оставлены поля. Но поля эти сияюще-белы, не пропущены ни одной записью! А как было бы полезно, если бы поля служили не украшением, а продолжением тетради. Вот бы где самое место — записать объяснение непонятных слов, новую интересную мысль! Нет! Этого нет. Скудные тетради и Леся! Да не у нее одной! Скудные тетради и у многих других школьников. Как-то не влило их лица, их живой мысли. Они асцелили на очку у учителя, учебника, записи. И это очень грустно. Какими-то узкими, ограниченными выходит из школы некоторые наши школьники. Почему?

Почему Николай определяет людей только по двум признакам: «хороший» и «плохой»?

Почему Вера не может понять того, что мораль классовая, почему, наконец, Леся так мгновенно «очаровывается» и разочаровывается в товарищах? Это же неотъемлемое «эпоху» возникает и в библиотеке и в читальне — везде, где приходится сталкиваться с беспомощностью, неограниченностью наших ребят.

«Почему» найти очень трудно. Но если приглядеться внимательно к системе работы наших школьников, то кое-какие «почему» найдем мы сами.

Как-то раз я зашла в 9-й класс, где писали сочинение по литературе. Несколько том было написано на доске. Две очень легкие, одна намного сложнее. В классе было несколько человек, которые вполне могли бы написать на эту, более трудную тему. Но напрасные ожидания! «Что вы? Охота сидеть, думать. Тут, по крайней мере, все ясно: пишешь, как в игрушки играешь, легко и свободно».

Вот это «легко и свободно» и является самым большим и злым «почему».

С 1-го класса «легко и свободно» развивается мысль. Учитель все рассказывает, о чем же думать? И с чрезвычайно легким культурным багажом доходит ученик до старших классов.

Уроки истории. Проходит один за другим знаменитый загадочный Египет, мудрая Ассирия, гордая Эллада. Но что знают о них школьники, кроме того, что рассказывал учитель и что написано в учебнике? Что Египет расположен по Нилу, что правили там фараоны, что узнали там народ? Что Ассирия была воинственная, что правили там цари, что узнали там народ? Что Эллада была... и т. д. Проходит год — другой, все это вымештывается из памяти, и вместо замечательных страниц истории остаются одни названия и более или менее точные географические представления.

А ведь если бы ребята дали себе труд прочитать, например, романы Эберса, Пруста, если бы прочитали греческую мифологию, уже, наверно, никогда в жизни не забыли бы далеких времен старинной культуры, наверно, совсем по-иному заговорили бы о последствии страничных вековых событий. Но лежат забытые греческие мифы, и ничего не говорят некоторым нашим школьникам ни трагическая скорбь Ниоба, ни чудесное, светлое имя Прометей, ни величественная Церера, ни страдающий Прометей.

А что знают ученики 9-х классов о Некрасове, Тургеневе, Толстом, кроме того, что есть в учебниках и что рассказав учитель? Многие из них читали мемуарную литературу, многие из них читали воспоминания Авдотьи Пановой, Кузьминской «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне», многие ли видели в читальне подлинные номера «Современника»?

А ведь тогда образы великих писателей встали бы, как живые, тогда открыли бы все истоки во всем своем многообразии. Тогда повлился бы интерес, любознательность, та любознательность, которая заставляет ходить по музеям, рыться в библиотечном каталоге, читать не только учебник, но и книгу, сим-

латься не на сухие строки программного материала, а на живые, горячие слова подлинника.

И, самое главное, тогда появится собственная, ни на кого не заимствованная мысль, собственная вывод, тогда обогатится собственное содержание.

Тогда появится вкус к преодолению трудностей и не захочется брать самое легкое. Тогда, наконец, появится необходимость спора, умного, делового спора, в котором сталкиваются несколько самостоятельных мыслей и из обсуждения их рождается истина. А то ведь и спорить бывает не о чем. Все одинаково прослушали урок, прочитали одинаковый учебник, восприняли несколько аксиом и... и все. Где же здесь предмет для спора? Тут либо вовсе не спорят либо спорят о пустяках, о формальностях, что уже никак пользы применить не может.

* * *

Николай всегда хорошо учился. Не очень способный, но настойчивый, целеустремленный, он систематически выполнял все задания. Но вот начиная примерно с 7-го класса он перестал быть отличником. Уже чего-то не хватало. Уже стала заметна какая-то усталость. «Хорошо» и «плохо», достаточные в 3—4-м классах, стали тормозом в старших. И юноша сам это понял. На примерах жизни, литературы, истории он увидел, насколько люди шире схем, понял, что старые мерки не подходят, что особенно подвело его эти мерки тогда, когда он покончит стены школы, когда ему придется самому ориентироваться во всей многогранности человеческого характера, отношений. Ведь даже его приятель Юра уже и «хорост» и «плохо».

Почему же до сих пор Николай был так уютно? И здесь опять все то же «спотыку».

Протеревшая дорожка учебы давала возможность надеяться на учителя, на учебник, на все легкое, что само шло к нему навстречу. Великое наследие человеческого ума, заключающееся в литературе, искусстве, науке, только самым незначительным краем задевало его.

Как-то целый вечер беседовали мы с юношей. И выяснилось, что из исторических романов он читал лишь самые популярные: «Петр I» А. Толстого и «Степан Разин» Чапыгина. Литературу знает только в пределах программ, т. е., в Тургенева читал только «Отцы и дети», «Будильник», «Хорь и Калиныч», из Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и «Поэт и гражданин», из Л. Толстого «Войну и мир».

О Мамин-Сибиряке, Лескове вообще не слышал, из сочинений Короленко читал только «В дурном обществе», о Чехове, конечно, слышал, но читал только «Вишневый сад» да вывел «Человека в футляре» в кино.

И когда мы долго проговорили, попробовали подвести итоги, то Николай глухо буркнул: — Да, Дурак я, в общем, крутой.

Нет, Николай, ты не дурак. Отпусти. И то, что ты увидел ограниченность своих знаний, особенно подчеркивает, что ты негудин. Но нужно сделать практические выводы из всего этого.

Надо интенсивно учиться работать над собой. Это значит: нужно до большего доходить своим умом, большего добиваться самому, не надеясь на кого-то. Не

понял слова — поини в словаре. Не понял того или иного вопроса — поройся в литературе, попробуй этот вопрос сам разрешить, а не спрашивать всякий пустяк. Дана тема для сочинения — возьми ту, что потрудил и менее всего знакома. Тогда в результате работы над ней ты узнаешь много нового. Ведь это так интересно узнавать новое! Новые люди, новая жизнь, новые условия станут перед тобой. Не бойся, смелей — и ты удивишь, как расширится твой кругозор, как изменится твой взгляд на людей, как изменит примитив в понимании. Самое главное, как много тебе захочется узнать!

Наука сложна и многообразна, и культура умственного труда заключается не только в том, чтобы перевести аккуратно тетрадь и выучить урок (это необходимый, но только первый шаг этой культуры), а в том, чтобы уметь использовать все, что дают нам и литература, и наука, и искусство.

Недавно в концертном зале Большого театра артист Яхонтов читал «Настоящий Филлипович». Около меня сидел юный школьник Юноша. В юнгитуровске с зимовским знаком, в шлях мягких сапогах неподобие валенок. Все это было чистое, аккуратное, ладно пригнано.

В громадных картах галлея юноши горел неподдельный восторг. Затаил дыхание и крепко сжал руки, слушая, он чаще, нерешая только там, где переключал и Яхонтов. На смуглом виске юноши дрожала какая-то жемчужина, и он совершенно забыл обо всем окружающем. В антракте мы разговорились. Юноша приехал из далекого белорусского местечка. Там он отличником окончил «десятилетку». До ближайшей железной дороги было 40 километров. И мальчик еще давным-давно захудал идти учиться в Московский институт инженеров транспорта. (Так полностью, уважительно, а не легкомысленно — МИИТ — назвал он свой институт.) И вот цель достигнута. Он уже на втором курсе. Скоро поедет к себе домой железную дорогу строить! Правда, первое время было трудно. Мешали два обстоятельства: плохое умение чертить и недостаточное знание русского языка. И то и другое было преодолено.

— Но как прекрасна Москва! Мне хочется, пока я здесь учусь, все узнать. Я летом был дома и заработал денег на костюм. Но приехал сюда и раздумал. Костюм я успею и после купить. У меня есть несколько рубашек, они еще совсем приличные, — он с некоторым тремором оглядывая себя, — а эти денюжки я трачу на театры, лекции, концерты, музеи. Ведь этого же потом не купишь!

Милый юноша, хороший незнакомец с концерта Яхонтова, как вы правы!

Все: и хороший костюм и изысканные туфли — это все приложится. Это все придет. А вот умение мыслить, знание «всех тех богатств, которые выработало человечество», — это нужно брать сейчас. Брать везде, где можно, ничем не пренебрегая. Нужно сейчас уметь отыскивать то, что тебе нужно. Научись пользоваться библиографическим справочником, библиотечным каталогом, а на свой, как пенсия, а читальня. Умей найти нужное в книге, а не ступить на проползающего, зачем он не указал страниц. Читая, смотря, наблюдай, думай — тогда ты вырастешь настоящим человеком, тогда ты будешь уметь разбираться в делах, в людях, видеть в них и хорошее и дурное, и вместе с этими людьми ты будешь строить жизнь!

СКВОЗЬ ЛИВЕНЬ

Мелькнули молнии несколько раз,
Все настоящей грома удара
Повторять прохожим приказ:
«Особовить тротуары».

Старуха, опуская веки,
Полоходо дрожажей
Через улану спешит к агенте.
Вошел гражданин в магазин ближайший.
И вот, пробитый калдями перьями,
Красный флаг, что спокойно висел,
Вдурт, как что-то живое, с неврами,
Весь разукнался навстречу грозе.

С шумом на город притихший, серый,
Дробясь об асфальт, уходя в песок,
Дождевые, пролетающие стрелы
Густо льются ванночком.

В футболько к телу прихлывнувшей
компрессом,
В брочках блестящих, потягавшихся
Шагаю ливню наперез я,
Сиселю мыслью себя утешая:

Лучше так вот шагать всю жизнь
Чем, грозу переждав,
Вслед за тенью послушно плестись,
Кто прошел сквозь стрелы дождя,

И не видит душою праздник,
Как во всей красоте и силе
Сверкает и сияет полонитие красное,
Омытое ливнем от бузничной пыли.

Борис Богатков

МОРСКАЯ БАЛЛАДА

Флаги под шквалом пели,
И поддавало на бах,
И там, на порог к цели,
Они не нашла маяк.

Скверное вышло дело:
Луч-поводыр угас.
Первый из самых смелых
Смутился б в этот раз.

Вот и пройди на Выборг,
Если маяк потух;
Вот и возьми на Выборг
Выход один из двух:

Или сперва, по скалам,
Смерти подставая грудь,
Или на самом малом
К дому, в обратный путь.

Нельзя командиру гнутья,
А он головой поник,
Чтоб от души ругнуться
В резнойворый воротник.

Но шире расправил плечи,
Но выше чем раньше стал,
И гаркнул: «Погаси свечи,
Да только не кончи бал!»

И, словно вонзая шпоры,
Простой телеграфный код
Отвязка ралки моторам:
«На самый на полный хол!»

И ралостер катер вздрогнул,
Точно он был конем,
Который нашел дорогу,
Где мы лишь один пройдем.

Юрий Иванов

Б. ИВАНТЕР

МАЛЬЧИШКА

РАССКАЗ

— Стой прямо, — сердито сказала мать. Ленка выпрямилась и даже втянул живот, чтобы матери удобнее было шить. Она переставляла не на месте припущенную пуговицу на подкаске. Ленка был на несую голову выше матери. Ей даже не верили, что он ее сын. И Ленка пытался не удивляться тому, чему всегда все удивлялись: у такой молодой матери такой большой сын. Это люди говорили всегда.

Солнце стало уже большим и багрово красным. Оно спускалось, но было еще так раскалено и так пылающе, что мать отодвинулась вправо. Окно их комнаты выходило на юго-запад. Они жили на шестом этаже, под самой крышей. Солнце начинало бить прямо в окно, широкие лучи его пронизывали все пространство комнаты до задней стены. Металлические шпинки на кровати блестели и обжигали, а масло на столе растаяло. Оно стало совсем жидким и пошло было желтым теплым светом.

Перед тем как мать вошла, Ленка laid масло прямо из банки на хлеб. Мать всегда сердилась, потому что Ленка обычно проливал масло на пол и ему никогда не удавалось замести следы. И сейчас, как ни занят он был костюмом, он через голову матери видел масляные пятнышки на полу.

Костюм был куплен сегодня. Они ходили вальсом с отчимом. У Ленки был третий полук в его жизни. Он работал полтора месяца, и так было условлено, что первые деньги пойдут на костюм. Василий, отчим, сам предложил, и мать согласилась.

— Честное слово, мама, хороший костюм, — сказал Ленка, глядя сверху вниз на складку брюк, — ей бог, по-моему, припущен. Нет?

Он старался говорить сдержанно, но голос у него дрожал от возбуждения.

— Вот пуговицы припущивают? — сказала мать. — Разве так надо припущивать? Чуть держатся.

— Да, да, да, пуговицы, тоже еще, — пожал плечами Ленка.

Он удивлялся, как мать может говорить о таких пустяках.

Но мать и сама была в волнении, которого Ленка не замечал, потому что был занят своим. Когда сын пришел домой в новом костюме, синем широком для его худого и длинного тела, возникшие подступило ей к горлу: «Знают, старая уже», — подумала она. Она знала, что выглядит совсем молодой, лет на двадцать семь, да и не чувствовала себя старше. И Ленка рос незаметно. Все был ребенок и ребенок. Она чуть не заплакала: таким большим, взрослым он ей казался в этом костюме.

— Вымахался, — сказал Василий, — гляди, какой!

Он был небольшого роста и глядел на мальчика снизу вверх. Он увидел слезы на глазах у жены и испугался, что не так купил.

— Да ничего, — затарорился он, — в магазине сказали, только пуговицы не перебивать, и ладно... А рост тот самый, какой нужен, третий рост.

Когда мать переставала пуговицы, Ленке захотелось посмотреть в зеркало. Но зеркало у них было небольшое. Оно висело в углу, и в нем видна была только голова. Ленка снял его, поставил на пол, но увидел только ослиные колени. Матери в комнате не было: она вышла в кухню. Ленка услышал ее шаг и повесил зеркало на место.

Большое зеркало было у соседки. Он вышел в коридор, постоял немного в темной и прохладной тишине и решил постучать.

— Да, — сказала Вера, — войдите.

Семья соседки уехала на дачу. Вера осталась в городе. Она готовилась к экзаменам в вуз и целые дни проводила на балконе, на матрасе, обложившись книгами. Она и спала на балконе, потому что в комнате было очень жарко.

Верочка стояла в дверях балкона, босая, с книжкой в руках. В комнате было совсем пусто, даже стульев не было: все увезли на дачу. Верочка стояла в дверях балкона против солнца, и Ленка, войдя из темного коридора, был ослеплен и даже не увидел ее лица, а только темную фигуру в сарафане, очерченную светом, который, задерживаясь в во-

сах, прошивал нечто вроде свинья вокруг головы. Впрочем, это не оставило его вниманием. Шафа на дачу не уехали, и Ленка шел перед зеркальной дверцей, чтобы увидеть себя целиком. С переставленными пуговицами поджак сидел гораздо лучше. Ленка даже сам не ожидал, что будет выглядеть таким красивым. Он не смог удержаться на своем лице особенного выражения, которое приготовил входа, и улыбнулся широкой, глумливой улыбкой.

— Женя, — сказала насмешливо Верочка, — совсем жених, — и доволна.

— Ну и дура, — открылась Ленка.

— Да нет, — сказала Верочка, — в самом деле хорошо. Я тебя даже не узнала.

— Правда? — простодушно спросил Ленка.

— Женя, жених, — сказала Верочка.

— Да ну тебе! Или свои книги, а то провалишься.

Верочка показала немного, с веселой усмешкой глядя на то, как Ленка старается увидеть себя со спины, и ушла к себе на балкон. Маленькие ступни ее, красивые и правильной формы, оставили след на пыльном полу.

— Снимай, — сказала мать, когда Ленка, наисмотревшись на себя, вернулась. — Нечего даром трепать.

Ленка покачал головой.

— На улицу пойду, — сказал он.

Мать хотела рассердиться, но вступился Василий.

— Пусяк идет, — сказал он добродушно.

Во дворе Ленка увидел Женю Вербишково. Женя был на год или на полтора моложе Ленки, но по росту, по ухваткам казался мальчишкой лет тринадцати, не старше. Он стоял в полвороте и высматривал что-то, стараясь, видимо, чтобы его не замечали из переулка.

— Ого, — сказал он удивленно и черными быстрыми глазами оглядел приятеля. — Сколько отдал?

— Ленка сказал.

— Здорово! — Женя поцупил матерку, — обманувший костюм.

— Ничего особенного, — сказал Ленка, — обыкновенный костюм.

Женя не знал, что нужно говорить о костюме. Они постояли, помолчали.

Солнце зашло. Двор был в тени. В полвороте Женя отошел к северной кислотной.

Женя охнул и стал рассказывать по Вовочку из соседнего номера, который сегодня утром слез с кровати очеревую полость и теперь боится выйти из комнаты, опасаясь женственной мести. Он говорил горячо, Ленка сначала улыбался было и рассказам и даже распрямился при подробности. Но потом ему вдруг стало совсем неприятно.

— Связываться еще, — сказал он.

Женя удивился, потому что Ленка прерывающе знал, какая сплошь это Вовочка в то, что ему стоит набить морду.

Женя помолчал, помыслив немножко, потом его позвала мать. Он ушел, и Ленка остался один.

— Куда бы пойти? — подумал он.

Но идти было некуда. Неплохо бы в кино. Но денег не было, новые карманы пусты, у матери просить неудобно.

Ленка и пошел без денег, куда глаза глядят. На переулок ушла тень бледного вечера, но было еще душно, и изменные стены, когда Ленка проходил мимо них, облавали его теплом. Ленка, поглядывая, растегивая бы, но поджак был дерзкой, и, растегивать его было нельзя.

Он медленно шел по переулку, нарочно медленно, чтобы встретить кого-нибудь из знакомых. В этот вечер он не встретил никого, и Ленка по старой, еще детской привычке замечал марку и считал, сколько цифр в номере. Она с Женкой знала почти все машины в гараже Вербишковых, который был в их переулке, и машину самого наркомана и всех его заместителей.

«Здравствуй!» — говорил про себя Ленка, когда наркоман проезжал мимо него. Ленка встречала его глазами, когда он шел, и по шкolu, и в конце концов сама считала, что он знаком если не с самим наркоманом, то, по крайней мере, с его машиной.

И вдруг машина свернула ему: на перекрестке медленно вворачивалась вокруг мандриона знакомая широкая и длинная машина.

А вдруг машина остановится возле него, у

трогатора. «Здравствуйте, Беляев»,— скажет нарком, прикладывая руку к фуражке. «Здравствуйте»,— ответит Лешка. «Ну когда в армию?» «На будущий год»,— ответит Лешка. «Хороший костюм»,— скажет нарком. «Ничего себе»,— ответит Лешка. «Просто какой не спросит»,— Лешка даже засмеялся над своей наивностью. «Станет он спрашивать про костюм? Не видел он костюмов, что ли?»

Но Лешка ошибся. Машин был не наркомомская, а какая-то дипломатическая.

Лешка шел переулками, не думая о том, куда идет, пока не вышел неожиданно на Ромовский бульвар—вернее, на один из его мездровых домов, на котором стоял дом Отсюда, с кругого спуска вниз, в асфальтовую долину Трубыной площади, видные во весь рост, уступами сходившие высокие каменные дома. Рядом с этим заставшим Лешку домом стояла маленькая, мелькая в проспектах между липами бульвара, визжа и скрежеща тормозами, трамвай. Отсюда был виден и весь следующий полог до здания «Известий» на Пушкинской площади. Пространство, открывшееся перед Лешкой, было так неожиданно, что он, родившийся в Москве, удивился тому, что увидел. Может быть, это произошло в другом месте, в Трубыной площади и все упило дальше ввысь в тучи. Разноцветные огоньки вспыхивали водоничнее в описе дома, то в трамвае, то на рекламные кино. Они светились в дождливом воздухе, еще ничего не освещая, и мелились обычное представление о городе. Уличные фонари еще не горели. Небо у Лешки над головой было еще светелосное, почти голубое, но все то, что он видел перед собой, казалось в тучи огромной, тяжелой тучи, которая, как крыша, накрыла собой половину города. Под навесом этой тучи было уж совсем темно, и на глазах у Лешки в нескольких шагах до него в темноту крыльями своими охватываю не со всех сторон. Капли ударили ему в лицо, он посмотрел вправо: над ним еще было чистое небо. Еще брызнула неизвестно откуда, и Лешка, жадно, шагнув вперед, чтобы кто-то не попал под дождь.

Проше было вскочить в трамвай, который проходил мимо, но в новых карманах не было и гривенника. Раньше он бы не задумался, покуда что часто ездил записан, сегодня ему не хотелось.

Он подбежал к ближайшему поезде и встал под навес. Над городом свернула крылатая молния, ударил гром, в дельте диньиб обринулся с такой силой, как будто кто-то свинцовой струей вылил всю воду с неба и открыл все каналы.

«Вот дождь»,— подумал Лешка,— как в кино.

Мелькнул, осветив полнеба, отблеск молнии, и одновременно тут же, как будто за синигой, грохнул, сотрясая землю, гром. Лешка невольно оглянулся и увидел рядом с собой девушку, поборок с ямочкой посредине и сердитые, как ему показалось, глаза. Пальцы у нее были в чернилах. Он тоже отворнулся и вдруг почувствовал, что ему неудобно стоять и куда девать свои слишком длинные руки. Он напряженно глядел перед собой, но ничего не видел. Ему очень хотелось еще раз посмотреть на свою соседку—подумал он.—Промокала, что ли, или сердится, или, может, я чего-нибудь сделал? Он с детства привык к тому, что деловики на него сердятся, и для него это было, как он обижал, что деловики, как-то машинально, то обзоват как-нибудь, то пикнет, то огрызнется, если спросит. Но тут он, кажется, ничего такого не сделал. Он просто стоял, он даже не заметил, как она пришла. Ударил гром—она и повалилась.

Он осторожно и неловко, не зная, смотрит ли она на него, стал поворачивать голову, чтобы быть точно взглянул на нее. К счастью, она на него не смотрела, и он мог в любое мгновение, чуть она шевельнется, сделать вид, будто он и не думает глядеть в ее сторону.

Теперь он хорошо видел, как она промокала: носки и туфли были совсем мокрые, руки были мокрые и вялые, потому что она их растрадела ладошками.

А дождь все шел, и стало почти совсем темно. Синие молнии заблещали трамвай, и тоска была, прозвело, как он переломил. «Должно быть, проезжали все оставшиеся»,— подумал Лешка про людей в трамвае,— куда тут вылезать из такой лужи? Ему стало смешно, и он хмыкнул. Девушка посмотрела на него, он отворнулся, и вдруг она выскочила из-под навеса навстречу трамваю, прыгнула через широкий поток, неловко не двинулась и теперь беспомощно стояла в воде, шара одной ногой, будто потеряла что-то.

«Туфлю потеряла»,— решила Лешка.

И в самом деле она заколебалась обратно к поезде, и Лешка увидел, что на одной ноге у нее не было туфли. Девушка теперь уж совсем промокла, она посмотрела на Лешку, и лицо у нее было не сердитое, а очень милое и как будто просило сочувствия.

И Лешка, даже не думая, что он делает, выскочил под самый ливень и сушил ее, как был, в ботинках, прямо в воду, которая бежала так быстро, что на скользком бульварике трудно было устоять.

«Унесло к чертовой матери»,— мелькнуло у него в голове.

Вода дохлала ему чуть не до колен. Пальцы подкакила уже мокрая наскоро, вода текла с волос по лицу, заливая глаза. Она решил пойти вниз по течению и не оглядывался, не представляя себе, как заревется без туфли. Под ногами ничего не было, кроме скользкого бульварника. «Дурака! Чего я шарю? Верхом, должно быть, унесло». И вдруг она его нахмурилась на что-то, он шагнул, сунил руку в мутную воду по локоть и вытаскил записывающуюся за что-то туфлю.

Это было просто счастье. Ему казалось, что он никогда не переживал большей удачи. Он посмотрел под ноги, какие-то ремешки, как лук—и все, но почему-то у него сильно билось сердце и стало тепло в груди.

Он подошел смущенный, растерянный и неловко сушил ей туфлю. Она, тоже растерявшись, сразу не взяла.

— Туфля,— сказал он, но слово сразу не вышло и получилось «ту-туфля».

Он взял и хвинулю голую:

— Спасибо.

— Не стоит благодарности, пожалуйста,— пробормотала Лешка, пожал плечами и встал в стороне.

Девушка держала туфлю в руке, словно не решаясь ее надеть. Так и стояла: одна нога в туфле, другая в носке, на ямочках. Потом она все-таки надела ее и затвинула ремешок.

Стало уже совсем темно, потому что небо посветлело, но был уже вечер. Туча уходила, и дождь накрывался, как черес мелкое сито.

— Спасибо,— сказала девушка.

Ага,— подтвердила Лешка, глядя на улицу.

А дождь все шел и шел.

— Совсем промокли,— произнесла она таким милым и нежным голосом, что у Лешки дыхание захватилось, он поперхнулся и только кашлянул.

— Как можно и протрудиться,— продолжала она, улыбаясь,— и я промокла—прямо наскоро.

Лешка опять не нашелся, что ответить.

Она опять не заговаривала. Он стоял молча, смотрел на улицу и очень боялся, что она обиделась.

Потом дождь совсем прошел. Визну жалости на поворотах трамвая и на проезде, грохнул, и в воздухе крупные голубые искры. Было сухо и можно было идти домой. Наконец, больше нельзя было ждать. Он повернулся к ней и, протягивая ей руку, сказал:

— Леша,— назвала она себя.

— Алексей.

Так они встали вместе, не зная, куда пойти, как кончить рукопожатие. Он хотел же, чтобы она сказала и не мог придумать. Потом заметил, что все еще держит ее за руку, отпустил и пошел, не оглядываясь, а когда оглянулся, то уже никак не мог вспомнить, как он шел, как будто и не было ее.

Лешка еще побродил по улицам, чтобы немного похолодеть.

У Лешки он увидел Женюку.

— Ох и роза была,— сказал Женюка,— в шестидесятом подвал жался. Пожарные приезжали отключать.

Женюка был весь мокрый, с синими губами, и лицо у него было долготу купания.

— Из нишги обильно,— сказал он, стуча зубами.— Вот сохну, а то мы тут ругаться будем. А ты где была?

— Не знаю,— неопределенно ответил Лешка.— ну, все!

Когда он вошел в комнату, Василий и мать были там. Она была настежь открыта, и промочилась, и она была мокрая, как будто она была. Громко играло радио, и во всех стенах этажей, в разноцветных от абжурок комнатах, люди пили чай и укладывали детей спать.

А-А, Лешка,— сказал Василий добродушно,— пришел. Садись чай пить.

Он ничего не видел, но мать сразу заметила.

— Ума не хватало?— произнесла она едко и с сердцем повторила, перекинула радио.— Ума не хватало?

— Ну что?— сказал Лешка и пожал плечами.

— Дождь! Знаю я, какой дождь.

— Ну да,— подумал Лешка,— откуда ей знать?

— Ну что сидишь? сказала она мучу.

— Вот чай пью.— Василий с недоумением показал ей на свою чашку.— а что?

— Тебе бы все чай,— она воткнула в штепсель вилку электрического утюга.— А по мне за него не смотришь. Дурашка, работает, так взрослый? Мальчишка ты еще,— сказала она, обращаясь уже к Лешке,— с Женюкой своим. Все знаю. Подвал жался, так думает, без него мальчишкам стоить свободное ходит по комнате? Мальчишка, поговори мать, глядя рукава подкакива, но совсем мальчишка, а динький какой!

Лешка не стал ее разубеждать. Он стоял с себя костюм, наскоро, в трусах, вышел стакан чаю, залез под одеяло и закрыл глаза.

— Мальчишка,— поговори мать, глядя рукава подкакива, но совсем мальчишка, а динький какой!

И несмотря на то что она даже про себя старалась говорить сердитым голосом, ей было приятно, что сын только кажется взрослым, а на самом деле не взрослый, а еще мальчишка, и время, когда он будет взрослым, а она старая, еще где-то далеко.

Лешка не знал и не мог знать, что она чувствует. Он думал, а закрытыми глазами и не спал, хотя свет не мешал ему: он привык спать при свете.

«Леша,— думал он,— вот какое имя красивое. Леша! И ему не было жалко, что он с ней не поговоришь,— как считает он, что когда-нибудь они еще встретятся.

Он крепко зажмурился глаза, чтобы лучше вспомнить ее лицо, но еще не успел его совсем хоронящею представить, как в голову у него все смешалось и он заснул при ярком свете, биншем ему прямо в лицо.

— Заснул?— спросил Василий.

— Заснул,— сказала мать.— Набегался.

ЯЗЫК МОЙ — ВРАГ МОЙ

Что можно иногда встретить в сочинениях по литературе.

«Ольга была такая светская девица, в которой загоралась всякая ветреность».

«Татьяна не любила мод набо-рот тогдашних барышням».

«В смерти Базарова показано, что у каждого есть свои струны, и она может лопнуть».

«В высшем свете женщины не вели общественной работы, а занимались «человечностью»».

«На поле битвы слышны стоны раненых и хрюканье мертвых».

«Во многих поступках Чацкого проследывает насмешка, которую он, Благодар своей хитрости, не замечает».

«Олегин любил деньги и собрал своего дядюшку».

«В Москву приезжает ответственный работник, вместо Чацкого».

Кто-то смеялся

Я НЕУДАЧНИК

Кто-то смеялся

Многие склонны утверждать, что у нас нет неудачников. Но это неправда. Я скажу про себя: я неудачник.

В школе я учился не очень хорошо.

Когда мне было девять лет, я особенно увлекался музыкой. Мои родители и родные стали говорить, что из меня обязательно выйдет хороший музыкант, а при благоприятном стечении обстоятельств даже композитор. Их похвалы оказали на меня свое влияние. Я стал считать себя музыкантом и уже начал рисовать свое будущее, где я выступал в роли крупного композитора, перед которыми все преклонялось. Не иначе, как Моцарт. В то же время я стал пренебрежительно относиться к школьным занятиям. И в пятый классе я перешел с подготовительными работами.

Родители несколько не огорчились этим: они считали, что это вполне естественно для талантливого ребенка. Бедь у Пун-ки плохо учился. Я был рад такому кроковителству. Но в музыку я не был дальше того, что наигрывал все те же мелодии, которые раздавал с учителем.

Постепенно я стал все меньше и меньше заниматься музыкой и, наконец, совсем забросил ее. Родители сначала огорчались, а потом решили, что музыка — не мое призвание.

В это время у нас в школе организовался технический кружок. Я стал посещать его. И через некоторое время настолько увлекся изготовлением маленьких планеров, что полные дни проводил за этой работой. Отец с матерью сначала недоверчиво относились к моему новому увлечению, но потом решили, что у меня проявляются способности конструктора.

Но скоро я забросил и планеры, начал увлекаться стихами,

попробовал писать стихи. Получались довольно хорошие стихи. Помню, я даже читал их в школе на вечер. Период стихотворства продолжился довольно долго. Кончил школу, и дома еще писал стихи. Но потом почувствовал отвращение к ним.

Я окончил школу. В институт не поступил: провалился на экзаменах. Откровенно говоря, я не знал, какую специальность выбрать, потому что определенно не знал к чему не имел призвания. Для меня были одинаково все специальности. И если я делал различия между ними, то по внешнему признаку. Игит, и остановился на полудороге. Когда мне исполнилось 22 года, мне ввели в армию. Я трудно привыкал к дисциплине и эрмитажному порядку. Первое время имел замечания со стороны командиров, даже высылки. Но потом привык и стал думать, не стать ли командиром.

Решил подать докладную на имя командира роты, но тут как раз у нас было несколько полков в горных ущельях, и они отделили меня от роты стать взводом.

Вскоре я уволился из армии. И снова пришлось решать: кем же быть? Чтобы не быть обузой для родителей, поступил на завод чертежником. Работа эта не могла удовлетворить меня, она не затрагивала моих язычных интересов.

Спустя некоторое время я снова попытался поступить в институт. На этот раз мне удалось. Я же думал о том, хороша или плохо выбранная специальность, мною руководило одно желание — иметь высшее образование.

Учиться я не хуже других. Никакой общественной работы не вел, если не считать участия в драмкружке. Мне очень удавались отдельные роли. Я даже впервые был признан в себе артистический талант, в чем уверял меня и режиссер. Но теперь я уже не мог рисковать и поэтому никакого значения не придаю этому «открытию». Наконец, я окончил институт и стал фармакологом. Меня досадно работало в один из отдаленных городов. Я поехал не с тем желанием, с каким молод-

дой специалист принимается за любимое дело. Я уже сказал, что мне было все равно, какую имел специальность.

Тут я стал встречаться с одной девушкой, которая мне понравилась. Решил жениться. И вот я стал мужем и отцом, должен сказать, не очень чужим и несчастливым. Все так же и был независим собой.

Но теперь я постепенно начал приходить к мысли, что я неудачник. На это меня толкает и то обстоятельство, что все мои сверстники сейчас занимают высокие посты и с большим интересом выполняют порученную работу. А я работаю из необходимости и живу хотя бы для детей, которых имею.

За последнее время я нашел в себе мужество взглянуть на свой пройденный путь и, отнесшись ко всему критически, написать эту исповедь — исповедь, которая послужила бы предостережением для юношей, вступающих в жизнь.

Н. НИКОЛАЕВ,
студент Педагогического института

ОТВЕТ «НЕУДАЧНИКУ»

Варяны не виноваты, что ты плохо пишешь.

Негритская поговорка.

Взрослому человеку можно иной раз оглянуться назад на свое детство и сказать десятку годов увидеть те «мелочи», которые создают человеческий характер. Какой-нибудь великовозрастный Семен Иванов, вспоминая, как оберегал его от ушибов и царапин, когда он был еще маленьким, толстошпанным Семен, вдруг начинает понимать: здесь причина того, что сейчас он не отдается ни храбрости, ни выносливости, ни решительности. Но такая искуренная в прошлом тема касается только тогда, когда она помогает понять и преодолеть свои недостатки и слабости, иначе все сведется к лирическому размышлению и вздохам.

Студент пединститута Н. Николаев тоже совершенно ясно и живо в прошлом и в результате зафиксировал: «Я неудачник, меня плохо воспитали, мне не сумели привить необходимых качеств, и вот я такой, как есть. Что поделаешь!»

Характер складывается с детства. Это уж стало хлещей истиной. Но кто, где и когда сказал, что сложившийся в детстве характер обязательно должен оставаться таким на всю жизнь? Малолетний ребенок не мог в протестности взглянуть, что окружают на него старшие, даже если это влияние скверное. Но кто мешает взрослым людям освободиться от дурных привычек, при-

обретенных в детстве, изменить свой характер, воспитать волю?

Есть легкий и удобный способ оправдать свое неумение, свои неудачи и невзгоды — это найти им объяснение в окружающих условиях и... простить себя так. А объяснение всегда можно найти. Нет явлений без причин. «Я физически слаб. Иначе и быть не может паша и мамка слишком нежидки меня в свое время». «Я не могу усилить математику. Понятно: мне всегда не везло с педагогами».

Так делают люди слабые, безвольные.

Товарищ Николай выросла в пантеи и без труда восстановила, что именно сделало его таким, каков он есть, — «неудачником». Довольно стройная и убедительная картина. Мы бы сказали, объективно правильная картина. Действительно, человека плохо воспитали.

Но в этой цепи доказательств есть один существенный изъян: здесь не взят в расчет он сам, Николай. Можно подумать, что воспитатели имели дело с манекеном, а не с живым человеком, обладающим волей, нервами, характером, т. е. таким, какому надеждой был настоящим человеку.

Случай определила жизнь Николаева. Он стал фармбюлогом, но с таким же успехом или, верней, с таким же неуспехом он мог бы сделаться инженером, агрономом, бухгалтером, актером. И являю он, вероятно, был бы одинаково недоволен собой и окружающими.

Хорошо, когда человек критически к себе относится. Ничего нет хуже самоуспокоенности, благодушного доверия «самим собой, своим обделом и женой». Но недовольство у людей бывает разное. Одно заставляет человека действовать, другое — размывает, анализирует, копается в себе и в то же время втайне добивается самим собой: ах, какой я несчастный, как обижает меня злая судьба, как хорошо я разбираюсь в своих переживаниях.

Нет нужды спорить, к какой именно категории относится Николай.

Он неудачник? Да, пожалуй. Но в чем же причина неудачной его жизни? Вот тут мы с Николаевым, очевидно, расходимся. Он ищет эти причины вовне. Мы нашли их в нем самом. Почему же он неудачник? У него нет навыков, приносящих человеку удачу: настойчивости, целеустремленности, трудолюбия, умения и желания преодолевать трудности, в том числе и собственные недостатки.

Вся штука в том, что когда перед Николаевым возникают какие-нибудь трудности, он старается уклониться от них, прикидываясь, как шитом, своим скитничеством: «Знаем, мол, все равно ничего не выйдет... Да проваболой ли он хоть раз в своей жизни довелся на чаше до конки? Хоть раз проваболой, учения и желаний преодолеть трудности, в том числе и собственные недостатки».

Он перенял несколько профессий, но ни одной из них не отдал страсти души своей,

ни в одной из них не проявил своих многогранных способностей.

Потому ли, что он не мог найти себя? Нет, потому. Потому ли, что профессии, которые он одну за другой проваболой и отбрасывал, действительно не могли увлечь человека, так уж они сухи и прозаичны? Нет, не потому. Разве не знаем влюбленных в свое дело бухгалтеров, агрономов, статистиков, медицинских сестер, людей, которые в таких прозаических с виду делах находят свое истинное призвание, познание?

И это произошло не потому, что они с детства мечтали именно об этой профессии, а потому, что они вложили в свое дело труд, энергию, душу свою.

Люди, которые ищут легкого успеха, внешнего блеска, внешней привлекательности и не хотят понять, что все это — и успех, и блеск, и познание — происходит только в результате упорного труда, обремены на такие же бесконечные метания и вечную неудовлетворенность. Не хотим предсказывать, но боимся, что и последняя профессия тов. Николаева (он ведь подписывается «студент Педагогического института») не принесет ему удовлетворения: она не меньше, чем все другие, требует труда и упорства.

Можем бы, не стоило поднимать весь этот разговор, если бы Николаев был таким уж исключительным, неповторимым явлением. Но черты Николаева — такую вот неустранимую жесткость с жизнью, растерянность, неуменье легко встретить у некоторых модалом людей.

Некоторые из них, став студентами, перебрали в второй курс или даже освоив институт, не учась, а жалуясь: «Я ошибся. Не то, не то...» И ломают себе голову, что бы еще такое попоробовать.

И есть ведь такие, которые до своей воле еще считают, что они и пантеи себя.

Это значит парадокс, но у некоторых людей нет воли и только потому, что перед ними с самого начала открывалась широкая много возможностей и они принуждены выбирать то, что легче. А когда пришлось впервые определить свой жизненный путь, растерялись. И получилось с ними, как с тем классическим осликом, который был обречен на голодную смерть потому, что перед ним были два равнопривлекательные ослины сена и он не мог решить, с которой начать.

Надо выбрать дело по душе. Это правда. Ну, а если случится так, что придется заниматься не самым любимым делом, а тем, которое тебе проучат, которое будет нужнее твоей стране? Тогда как быть? Мы считаем так: если ты уж взялся за дело, то делай его как можно лучше, давай максимум того, что можешь дать. Иначе будешь походить на Николаева. Непрерывно слодство.

В клубе уже выступала старая болельница Вера Лазарева Шнейер. Она поделилась своими воспоминаниями о пребывании товарища Сталина в Туркучахском санатории.

На втором вечере журналист Борис Романович Изяков рассказал о своей поездке в Лондон, о жизни этого города, его истории и нравах лондонцев.

Недавно в «Клуб сменя» пришла товарищица Вера Лазарева, писатель Илья Эрзенберг и другие товарищи.

Обещали побывать в нашем клубе Елена Дмитриевна Стасова, писатель Илья Эрзенберг и другие товарищи.

О клубных вечерах мы будем объявлять в газете «Московский комсомолец». Напишите нам, какие лекции, беседы, встречи, дискуссии вы хотели бы включить в план работы «Клуба сменя».

Военная консультация

«Какие задачи выполнял мотоциклетный батальон на востоке?» спрашивает 120-й московской школы М. Сахарчук.

Во время первой империалистической войны 1914—1918 годов мотоцикли применялся только для связи: на нем передвигались связисты, посыльные и т. д.

В последние годы в иностранных армиях стали создаваться боевые мотоциклетные подразделения и части. В германской армии, например, еще до начала второй империалистической войны имелся мотоциклетный батальон. А в 1940 году, по сообщением иностранных газет, в боях на полках Бельгии и северной Франции участвовало до 60 тысяч германских мотоциклистов.

Как известно из зарубежной печати, в состав разведывательного отряда германской бронетанковой дивизии входит одна мотоциклетная рота, а в состав моторизованной артиллерийской бригады той же дивизии — один мотоциклетный батальон.

Мотоциклетный батальон имеет сильное вооружение: 900 винтовок, 61 ручная пулемет, 12 станковых пулеметов, 4 противотанковых орудия (калибром 475 мм), 3 противотанковых орудия, 9 летяк (55 мм) и 6 танков (81 мм) гранатометов.

По боевой силе такой батальон не слабее обычного пехотного батальона, но зато в десять раз подвижнее его: если пехотный батальон за час может пройти 4—5 километров, то мотоциклетный батальон — 40—50 километров. На своей подвижности мотоциклетный батальон превосходит и танковые и моторизованные части.

Мотоциклист может очень быстро двигаться на удаленном дозоре, но и в повседневной жизни, по дороге. Мотоцикли протанков, мал по размерам и легок (мотоцикл с коляской в пять раз легче легковой машины), его без труда можно подолкнуть и маневривать на трассе. Мотоцикл легко спрыгивать с мелком кустарнике и небольших о-

дних кавалках. А если мотоцикли быстроходен и мал, может быстро маневрировать по местности, то, следовательно, он и маневреннее.

Мотоциклетные части могут быстро и далеко выдвигаться вперед своих наступательных войск для того, чтобы захватить важные объекты, которые не достигают, какими его силы.

Двигаясь вперед наступления, мотоциклетные части овладевают переправами, мостами, тем самым обеспечивают быстрое продвижение своих войск.

Мотоциклетные части играют весьма важную роль и в обороне. Прекрасные для этого средства, они могут в любое время и в любом месте оперативно перебрасывать в распоряжение обороняющихся частей. Нужно немедленно приостановить наступление. Эти задачи с успехом могут выполнять мотоциклисты, тем более, что в коротком дорогом, мотоциклетная часть пройдет за сутки до 250—300 километров и сумеет быстро атаковать прорывающиеся противника. Мотоциклетные части могут быть исключительно опасны. А быстрая и незаметная обеспечат победу над врагом.

Полковник И. Фровет

Ответы на вопросы школьников Николая Сорочкина из Юрия Свердловского ст. Кирм. Тульской АЭС, Николая Петрова (г. Богородица), Юрия Лисенка (м. Каменка, Молдавия), С.Т. Валдикина, Марьянова с. Рыбинка) и др. посланы по почте.

Клуб сменя

Дорогие читатели-москвичи!

При каждом новом журнале открывался «Клуб сменя». В этом клубе собираются старшиеклассники московских школ, чтобы встретиться с революционными деятелями, учеными, военными специалистами, путешественниками, журналистами, писателями, актерами, послушать их рассказы о том, как они работают, узнать, что они видели в жизни.

На некоторых клубных вечерах будут устраиваться споры, дискуссии на темы, волнующие школьную молодежь.

ШТЕРНБЕРГ

Трижды в день в эфире раздается тихий матишка. Занудный голос диктора провозгласит привычную фразу: — Внимание! Слушайте поверку времени, которую дает Астрономический институт имени Штернберга.

Люди на кораблях, на дальних арктических зимовках, на паровозах, на фабриках и в колхозах, в научных лабораториях, дома, в пути и на работе, заслышав это мерное тиканье, смотрят на часы.

Два длинных сигнала и один короткий извещают мир о том, что в Москве ровно полдень.

Московский астрономический институт, в глубоком поезде которого тикают часы, диктующие время всему Союзу, носит имя Штернберга, Павла Карловича Штернберга, выдающегося ученого и верного сына большевистской партии.

Он был талантливым учеником знаменитого русского астронома Бредкина, первая его научная работа, написанная в 1888 году и посвященная проблеме вращения Юпитера, открывала перед ним широкий путь научной деятельности. Его ожидали слава, «положение», успехи. Но во что жаждала его деятельная, горячая натура. Уже тогда, в 1903 году, у Штернберга возникает глубокий интерес к революционному движению.

Вероятно, тогда же к нему явилось знакомство с «Канталом» Маркса. Эта книга потрясла сознание молодого ученого, переворнула все его представления об устройстве общества.

Однако следующий шаг — к практическому участию в революции — Штернберг совершит позднее. Только несколько лет спустя созреет в нем революционный дар, человек революционной практики.

В 1905 году Штернберг уезжает в научную командировку за границу. Там наряду с занятиями астрономией он знакомится с эмпирической социаль-демократической литературой.

А в это время в России бушует ураган зимнего года. В декабре на Красной Пресне вспыхивает восстание — последний величественный взрыв первой русской революции.

Узнав о том, что в Москве уличные бои, Штернберг не может остаться за границей. Преодолев научную командировку, он возвращается в Россию, в Москву.

Поднято. Восстание разгромлено. Но еще дымятся развалины домов, еще не разобраны баррикады, еще стреляют в переулках Пресни отдельные дружинники, и сухой, колкий снег засыпает трупы убитых...

Морозные ветрыные дни. Штернберг бродит по переулкам Пресни, хмурым, молчаливым, подывая барашков воротник.

Эти дни решают его дальнейшую жизнь. С тех пор двойная звезда и туманность, подоготовив воссознанию восстания, пролетариата, размеренный быт ученого и полная опасностей жизнь большевика-подпольщика привудили переплетиться между собой, образовав сложную кавалью личной биографии Штернберга.

За революцией наступила пора реванша. Только большевики спорно смотрели в глаза белогвардейца, а окончательную победу народа над царизмом, изучая опыт и ошибки революции, готовясь к будущим боям.

В этой работе полностью развернулся организационный талант Павла Карловича Штернберга,

сейчас же после приезда из-за границы вступившего в партию большевиком.

Он не мог заниматься непосредственно проагитандской работой, этому препятствовали должные доцента и сотрудника Московской обсерватории.

Его роль была иной: он вел дела финансовыми делами партии.

В тот период, по указанию В. И. Ленина, нужно было издать брошюру Виленского «Гастава улитного боя», обобщившую опыт декабрьских боев на Пресне. Брошюра эта должна была помочь дружиннику в будущих боях за власть.

Тогда же большевик-ученик доцент П. Гоннус, написал брошюры «Стеклянное дело» и «Взрывчатые вещества». В одной из этих брошюр, под видом «изготовления урона», сообщалось, как сделать запальник для боя.

Московский комитет партии поручил П. Преображенскому (теперь профессору) обратиться к финансисту «Владимиру Николаевичу», «Владимир Николаевич» должен был помочь в издании брошюры.

Вот как рассказывает об этом тов. Н. Преображенский:

— ...Как же с ним встретиться, с этим Владимиром Николаевичем?

— Встретиться с ним трудно, но все-таки попробуй. Он иногда бывает у Горбatego моста, у Василия Васильевича.

— Я отправился туда встретить Владимира Николаевича. Никого там не встретил там Павла Карловича. Как-то необычно было в студенческой среде видеть своего доцента, и тут еще Павел Карлович был очень общителен, играл на пианино, так что мы все заслушались. Но вот время идет, назначенное свидание мое не выходит, так как никакого Владимира Николаевича нет.

Нервничая и Павел Карлович, посматривает на часы и говорит о некультурности и неаккуратности.

— Тут у меня назначена встреча.

— У меня, — говорю, — тоже назначена встреча.

Посидели, поговорили, Павел Карлович говорит:

— Что же это он не идет?

— У меня тоже не идет?

— Да ты, собственно, кого ждешь?

— Да мне тут нужен один человек на счет финансистов.

— Какого финансистов?

— А вот нужно издать одну брошюру.

— Так это ты и есть «Митхилл»? А ведь я «Владимир Николаевич»!

...Штернберг недолго оставался «финансистом»: с 1907 года он возглавляет глубоко аксонспираторное военно-техническое бюро Московской организации большевиков.

Павел Карлович Штернберг.

научной мысли. Наряду с профессурой присутствовал обязательный на каждом ученом собрании представитель генерал-губернатора — жандармский офицер.

Все эти люди собирались для того, чтобы прослушать доклад Штернберга «Об определенных аномалиях напряжения силы тяжести». До Штернберга в русской науке этой проблемой занимался мало.

Доклад был выслушан с напряженным вниманием.

Когда стихли аплодисменты, председатель обратился к докладчику с вопросом:

— А как вы, Павел Карлович, предполагаете разрабатывать дальше эти положения? Штернберг уверенно ответил:

— С помощью инвентарно-теодолитной с'емки.

Профессора с недоумением переглянулись. Низкой выноской связи между темой доклада и теодолитной с'емкой не было. Удивленный председатель спросил:

— Но какими же образом можно инвентарно-теодолитной с'емкой определить аномалию силы тяжести? Насколько я знаю, никто никогда этого не делал?

Штернберг возразил спокойно: — Из-за того, что никто никогда этого не делал, я и вижу оснований отказаться от этого способа. У кого же могут быть возражения, если ни у кого не было опыта?

Не сразу Штернбергу удалось убедить членов Ученого совета, что инструментами землемерия и строятеля — вольстая рейка и оптический трубка на штативе — помогут определить аномалию силы тяжести.

Наконец ученые согласились. Разрешение было дано, но тут возникло новое препятствие: Штернберг не только в обсерватории, а инвентарно-теодолитные с'емки должны производиться за чертой города.

В середине 1907 года в Круглом зале Московского университета шло заседание Ученого совета. Здесь собрался цвет московской

Несколько десятков человек сподобно жили на улицах для с'емки стратегического плана города.

Тогда неожиданно выступил «представитель генерал-губернатора» — жандармский офицер:

— Я рад доложить его высокопревосходительству генерал-губернатору о столь необычайной научной работе. Надюсь получить для господина Штерберга разрешение провести эти с'емки в Москве.

И действительно, через два дня такое разрешение было получено.

Но что все это значило?

Зачем Штербергу понадобилось удивлять такое собрание такими необычайными предложениями? Зачем нужно было ему всем своим авторитетом усиленно отстаивать то, что называлось «исследованием воздуха»?

А вот зачем. В середине 1907 года, развивая указания В. И. Ленина о подготовке вооруженного восстания пролетариата, Московский комитет партии большевиков решил приступить к с'емке стратегического плана города Москвы. Нужен был план Москвы с такими данными, которые при обычных условиях значения не имеют, но в момент восстания приобретают огромную важность. На таком плане должно было быть указано, где и как расположено тот или иной дом, какой он высоты, где находятся проходные дворы, откуда лучше стрелять, соединяются ли крыши соседних домов и т. д. и т. д.

Чтобы украдкой выполнить такую работу, понадобилось бы усилия десятков людей. Невозможность провала кого-либо из них была несомненной. В этом случае для охраны не представляло бы труда добраться до центра и перевернуть всю группу. А стратегический план все-таки был необходим.

Решение этой трудной задачи большинством организации предоставила Павлу Карповичу Штербергу.

И с присущей ему изобретательностью Штерберг нашел способ. С позволения «его превосходительства» губернатора несколько десятков человек спокойно жили на улицах для с'емки стратегического плана города и производили ее совершенно открыто, на глазах у полиции и наблюдателей.

Штерберг терпеливо учил своих помощников пользоваться инструментами. Он изобрел особый шифр для обозначения стратегических данных, систематизировал полученный материал и делал все так, как будто через несколько дней должно начаться восстание. Вооруженные инструментами большевики ходили по московским дворам, крупным переулкам Арбата, Пречистенки, Пресни. В этой работе принимал участие и доктор Гопус. Революция связала его со Штербергом крепкой дружбой и в решительные часы их жизни стала силой рядом.

Когда работа была закончена, полученные данные записали в разных малодоступных местах обсерватории: в часовой подвале, библиотеке, даже в трубе большого рефлектора. Сидя пролекая там до того времени, когда были использованы пролетариатом,— до октября 1917 года.

Хотя о подпольной работе Штерберга никому не было известно у полиции, очевидно, были какие-то смутные подозрения, что в обсерватории не все лады.

Однажды из участка пришел околотовый, пожелавший провести «осмотр» помещения. Штерберг высокомерным, ронным голосом заявил, что если он, околотовый, войдет в помещение, где находится часовой тоннель, то от тепла, идущего от его тела, нарушится тонный ход часов и это нанесет ущерб государственной службе времени.

Околотовый не решился нанести подобный «ущерб» и ушелся ни с чем.

С 1908 по 1917 год Штерберг, не прерывая связи с партией, отдается интенсивной научной и преподавательской работе.

Только редкие часы урывает он для музыки — и кларнета и рояля,— а также для любимых им шахмат.

Авторитет его среди русских и западных студентов безупречен. Он любим студентами. Симпатии возбуждают его знания, его знания, все его высший облик—его лицо с удивительно милыми, ласковыми, но вместе с тем пронзительными глазами.

Он мог иногда показаться суровым, но это было лишь негодое, поверхностное впечатление.

Вот как описывает Штерберга люди, хорошо его знавшие: «На вид суровый, холодный, непреступный, подавляющий своим превосходством, в действительности он был необычайно мягким и сердечным человеком, отзывчивым и внимательным товарищем, превосходство которого растворялось в его желании оказать вам нужную помощь». Штербергу свойственна одна черта, понимание которой может объяснить очень многое в его жизни,—

Однажды из участка пришел околотовый.

это «необычайное трудолюбие, исключительная добросовестность во всякой работе и внимание при исполнении этой работы ко всем, даже второстепенным мелочам».

Через полтора месяца после сужережения парламента, 14 апреля 1917 года, состоялось заседание Московского комитета партии. На нем присутствовали товарищи Дзержинский, Мелехов, Землячка, Успенский, Штерберг и другие. Штерберг сделал доклад об организации Красной гвардии и о вооружении московского пролетариата, внес ряд предложений, касающихся создания заводских дружин и приобретения оружия. Эти предложения были приняты.

Весна, лето и осень этого года прошли для Штерберга в напряженной научной работе под руководством членов Московского комитета.

Стены двух комнат в здании МК (там, где сейчас выстроен корпус «А», на Советской площади) были увешаны планами города Москвы.

К этим картам и планам Штерберг при-

соединил и свою карту, ту, что была составлена еще в 1907 году.

Большевики вновь разрабатывали стратегический план вооруженного восстания. План этот был известен только некоторым членам МК.

В 11 часов утра 25 октября 1917 года послана военная разведка, находящаяся по делу Черквинцов, привила радиотелеграмму о сужережении Временного правительства.

В России началась Великая Октябрьская социалистическая революция. Члены Военно-революционного комитета и руководители Красной гвардии разбежались по своим районам и стали во главе вооруженных отрядов московского пролетариата. Среди них был и Штерберг. 25 октября он прерывает последние наблюдения над определением силы тяжести, чтобы стать во главе Военно-революционного комитета Замоскворецкого района, которому, по словам тов. Ярославского, судя по делу было сыграть самую важную роль в Октябрьских боях.

В эти дни москвичи запомнили Штерберга с разными именами: седым волосатым в красной повязкой командующим Красной гвардией на Рукаве. В открытом автомобиле носился он по Москве, организуя наступление своего района, доставляя снаряды, орудия, пулеметы. Вокруг него все кипело, работало с ним было весело, легко.

Штерберг организовал подвоз боеприпасов с помощью трамвайных составов Шахматовского парка. Вокруг него и кондуктора бесстрашно промчалась под огнем противника ка Казанскому вокзалу за винтовками.

Вместе с Штербергом сражался его старинный знакомый — химик Гопус.

1 ноября Штерберг отправил Центральному революционному комитету записку:

«Дальнейшее промедление и малая результативность результатов отдачи зависят на успехах революции. Поэтому Замоскворецкий военно-революционный комитет предлагает начать работу шестидневных орудий и просит рассмотреть свое предложение. Военно-революционный комитет со своей стороны предельно предлагает сдать снаряды и орудия в случае отказа с их стороны начнет свои действия с 10 час. утра».

П. Штербергу.

Орудия, о которых идет речь в записке Штерберга, были доставлены из мастерских тыловой артиллерии. Но когда пришло время стрелять, оказалось, что у орудий не было прицельных наворам; производить наводку и обстреливать назначенные объекты было невозможно.

Положение представлялось безвыходным. Каждая минута была дорога.

Но Штерберг нашел выход. Пользуясь своими математическими знаниями, он вместе с Гопусом рассчитал наводку орудий в метко покорал инженерных засадах в Кремле.

После Октябрьской революции партия назвала Штерберга комиссаром Московского губернского революционного трибунала.

Это было суровое время для молодой республики. Один фронт открывался за другим. Дело революции было в опасности.

Когда осенью 1918 года была объявлена партийная мобилизация и более двух третей комсомольцев, оставив свои посты, ушли на фронт, вместе с ними пошел и 53-летний Штерберг. Он ушел на восточный фронт меньше чем через сутки после объявления мобилизации. Член Революционного восточного фронта он сражался против Колчака вплоть до его разгрома.

В январе 1920 года Штерберг вернулся в Москву тяжелобольной. Через несколько дней он умер.

Хорошо его 3 февраля, в морозный вечерный день.

В ту минуту, когда воинские части отдали траурный салют, в Кремле открывалась сессия ВЦИК.

В начале заседания сессии почтила память славных и чуждо-большевистские установления. Затем слово было предоставлено Ленину, и Владимир Ильич начал доклад об электрификации деревни.

откуда получили свое название город Вадлай. И так понятия аэролованные слова, которыми Гална Соколова кончает в «Юном географе» свою статью о восхождении на Эверест: «Но там все же остаются не завоеванными 300 метров. Юные географы во что бы то ни стало должны овладеть Эверестом».

Сейчас в краевой школе, кроме общешкольного, работают 15 классных географических кружков. Всего в школе 260 классных географов. Руководителями классных кружков становятся старшеклассники, давно изучающие географию.

В топографической секции занятия с ребятами ведут десятиклассник Никита Максимов, и дисциплину у него не хуже, чем на уроке у преподавателя:

— Ира, иди сюда. Возьми мел. Обозначь плетень, посещуюю дорогу, непроходимые болота, мелницу. Эта какая мелница: каменная или деревянная? Правильно, каменная. А как ты обозначишь деревню?

Ребята производят сэмку по знакам, изучают карту Морзе, сигнализацию флажками. А сейчас топографы готовятся к сэмке плана Кратова и его окрестностей.

Через несколько месяцев Никита кончит школу и пойдет в Красную Армию. В кружке его место займет другой. И это подготовит себе смену к тому времени, когда придется расстаться со школой. А впоследствии все они, выполняя боевые задания, иверное, не раз тепло вспомнят о своих школьных занятиях топографией.

В метеорологической секции, где курс ведет Игорь Бокорин из 9-го «б», ребята изучают обозначения атмосферных осадков, следят за температурой воздуха, за направлением ветра. Дневники погоды ежедневно вывешиваются в школе, потом они обрабатываются в месячные и годовые сводки.

У метеорологов не было нуж-

ных приборов. Написали Ивану Дмитриевичу Папану, попросили помочь. В школе бережно хранят джосковое ответное письмо Ивана Дмитриевича, от подарка краевой школы метеорологическое оборудование, и теперь школьники с увлечением работают на своей метеостанции.

Кружок по изучению Раменского района проводит Светлана Казимирова. Это она, знакомая с растительностью края, заинтересовалась судьбой бересклета бородавчатого. Когда на уроке Александра Яковлевича рассказал, что бересклет содержит в себе драгоценный для страны каучук, Светлана былавела в краевом музее, приготовила от бересклета большой доклад и теперь вымательно следит, успешно ли разовьют это ценное растение.

Сейчас в краевой школе видят обыватели о том, что скоро начат работа секция по изучению мышек рек.

Школьный географический кружок выпускает огромный литературу. Кроме журнала «Юный географ» издаются классные журналы: «Исследователь», «Компас», «Путешественник», «Весь мир», «Вокруг света». Метеорологи собираются выпускать свой журнал «Югоды». Регулярно выходят газеты «Экватор» и общешкольные «Известия».

Рассматривая эти журналы, удивляешься разнообразию тем. Здесь статьи о полярных сияниях с эскизами из Ломоносова; «мерзлый пар среди ямы разлетелся пожар». Здесь исследование о Липишской пугаче и о «Гибром Баку», о дрейфе Седова и о путешествии из Колымоку краю одного из друзей Пушкина, Ф. Ф. Матюшина.

Кроме издательской деятельности школа ведет огромную перекладку. Краевыми юными географами пишут школьники Оврот-Гурья и села Воронцово, Ордониканского края, Ленинграда и Кудмы, Молотовской области, из

Элисты и Поеста. Они интересуются опытом краевцев, просят их советов, рассказывают о своих работах.

И саму работу, увлекательное, свое заветное у ребят краевцев школьники — летние экспедиции.

К ним долго и тщательно готовятся, выбирают место, обсуждают маршрут, читают книги и готовят доклад к нему. И с первыми мартовскими оттепелями, когда золотая капель золотом стучит о деревянную платформу краевой станции, куда дальний странствующий начинает шагать коням путешественникам свои соблазнительные речи.

Первая экспедиция была на озеро Селггер. Школьники выехали село Волгино Верхние и небольшое болотце возле него. «Отсюда берет свое начало могучая Волга», — писал в дневнике Тоня Рыбченкова. И хоть в старых учебниках сказано, что Волга вытекает из озера Селггер, теперь они меня не слушают.

В 1938 году 22 школьника во главе с А. Я. Степняковым прошли 276 километров на лодках по реке Ура. Подводные валуны, мел, косы, песчаные наносные острова делали путешествие сложным, а подчас и трудным, но краевые географы недаром изучали жизнь волжских исследователей: Наваса, Седова, Амурская. Занятия географией вооружили их тем превосходным упрямством, без которого ни одно дело нельзя довести до конца.

«Эта экспедиция», — пишет о путешествии по Уре ученица Макарова, —ознакомила нас с карстовыми явлениями, ледниковыми отложениями, валунами, моренами, новой растительностью и животным миром, характером реки и берегов, бытом и культурой населения».

А сколько было стремительных летних дождей, вичных костров, беседных звезд и сияющих рассветов! Сколько лесов, аутов и гор промывало перед глазами путешественников!

Летом 1939 года ездили на Плещеево озеро — колыхал русское флота, где когда-то Петр I строил свои потешные корабли. Здесь, на берегу огромного озера, стояли полосатые валматы, здесь школьники изучали историю древнего града Переславля.

В 1940 году краевские юные географы стояли лагерем на несущей косе «Козий рог» на берегу Вадлайского озера. Каждый день лагерной жизнью был похож на другой, потому что каждый день ждала новая экскурсия: то исследование Повойтой горы — самой высокой точки Вадлайской возвышенности, то осмотр Изборского монастыря, то промер реки Вадлайки.

Нынешним летом состоится экспедиция на Московское море. До сих пор краевцы изучали естественные холмы, теперь они хотят видеть водохранилище, сделанное руками людей, смело изменяющих природу. Члены географического кружка и совершат новую экскурсию в разных направлениях, а потом пародомом вернутся в Москву.

Александр Яковлевич задумывается и о далекой экспедиции, и ребята уже изучают карту Обь-Иртыш. Впереди у них похода на Антарктиду.

Чему так такие путешествия, очень хорошо рассказывают сами участники экспедиции. Деятельности Венедикта Рыбченкова, например, пишет:

«Я изучил в экспедиции разоблачил, развилды костер, готовил пищу а любую погоду, управлял лодкой, ставил наurus. Научился ориентироваться по карте и с компасом отыскивать дороги, вывешивать сигналы, носить их на карты, определять скорость течения реки и подсчитать количество стекающей воды, определять высоту берега, производить метеорологические наблюдения».

Николай Чистяков о путешествии на Плещеево озеро говорит так:

«Для нас, будущих призывников, такие походы — замечательная школа. Ни одно путешествие у меня чувства неуверенности в своих товарищах и в самом себе, потому что я знал, что я не один... Трус в походе — попор для асет. Как бы трудно ни было задание, нужно быть настойчивым, уверенным в себе».

Каждая экспедиция — не только непохожий край новых знаний, но и проверка характера характера и сложностей. Труднейшие думной товарищ сразу становится нетерпимым членом коллектива. Эгоизм, безответственность, на которые в обычных условиях не обратили бы серьезного внимания, в напряженной походной обстановке встречают резкой отпор.

Ученик Дашневский в первом походе ничего не хотел делать, смывал раскормил для, губил. После одной особенно грубой выходки Александр Яковлевич решил отправить его домой, но товарищи возпросили оставить дезорганизатора «на пробу». Ему стали поручать задания, контролировали его и добились-таки того, что наконец стал серьезно и разумно относиться к делу.

Между краевскими географическим кружком и кафедрой экономической географии Московского государственного университета существует социалистический договор. В нем говорится: «Мы — т. е. школьный географический кружок — обязуемся направлять на географический факультет ежегодно не менее трех товарищей, с ручательством, что они хорошо подготовлены и будут относиться к делу с большой любовью».

Это правда. Поступление на географический факультет еще до заключения договора. Тоня Рыбченкова и Нина Фризнова — примеры студентки. Мы верим, что все обязательства краевцы будут выполнять честно и верно».

Не все краевцам удается легко. Часто им приходится преодолевать большие трудности, чтобы организовать свои экспедиции. Но есть главное: любовь к своему делу, исследовательский интерес и к нему. Это уже очень много. Пожелаем же им побольше узнать и увидеть.

Добрый путь, товарищи!

Кратово, Московской области.

Географические журналы краевских школьников.

СТИХИ Л. ПЕРВОМАЙСКОГО

СКОРАЯ ПОМОЩЬ

Огромна страна — и огромна работа
В колхозе, в милиции, в доме и в цехе.
Но все же тревога, печаль и забота
Врываются в наши дела и успехи.

Легко ли добиться такого порядка,
Чтоб горя людского не стало на свете?
Несчастные случаи!

Сухо и кратко
О них сообщают в вечерней газете.

И ты узнаешь из газеты про то, что
Без четверти семь у окошечной двери
Седая старушка скончалась на почте,
Что смая паралич одряхлевшее сердце.

Скончалась старушка! Чего же мне грустно,
И сердце стучит так неровно и глухо?
Но в этих масштабах поэты искусны!
Поэтам подстать равнодушные к старухам..

Я знал ту старушку. Частенько бывало,
Мы рыданием к нею на почте стояли.
Она у окошка письма поджидала
В огромном, шумливом, зашарканном зале.
В потертой жакетке, окутана черным
Заптованным шарфом, она там стояла,
Смотрела на юношей, крепких, упорных,
На смуглых девчат — и смиренно молчала.

Для всех переводы... Письмо у любого...
Порой телеграмму несут голубую...

А ей бы, несчастной,
от сына родного
Хотя бы открытку! Хотя б доплатилу!

У многих старух ни тревог, ни заботы,
Под старость имеют они на утеху
Синопов-агрономов, героев-пилотов,
У ней же пропал он, как только уехал.

У многих новости умны и толковы.
Хоть с кем-нибудь можно поспорить
сердцато!

У ней же два года от сына ни слова,
И только на почту дорога открыта.

...И вот узнаешь из газеты про то, что
Без четверти семь у окошечной двери
Седая старушка скончалась на почте,
Что смая паралич одряхлевшее сердце...

Я тоже, как все вы, подчас забываю
Порядовать маму известная о сыне
Иль деньги отправить, о том вспоминаю,
Когда ни гроша не осталось в помине.

Я тоже не думал в уюте домашнем,
Что скорая помощь напомнит порою
О смерти на почте, внезапной и страшной,
О ласковом сердце, убитом тоскою.

Герои! Пилоты! Воители танков!
Поэты, летчики и агрономы!
Мы письма вышлите со всех полустанков
И шлите домой

человеку родному —
Домой, где любовь расцветала над нами,
Домой, где учились мы жить и шататься,
Где ждал нас, безмолвно тоскуя ночами,
Седая, родимая, дряхлая мать.

Перевел с украинского
А. БЕЗЫМЕННОСКИЙ

Юли П. Тычина, М. Вайан, М. Рыльский и
В. Сосюра — старшие поколения советских поэтов
из Украины — являются авторами
украинской советской поэзии, много и плодотворно
работавшими над расширением эстетического
кругозора и обогащением родного языка.
Что касается Первомайский — один из
молодых поэтов, талантливых продолжателей
их дела. Его комсомольская молодость прошла
в обстановке гражданской войны. Гражданская
война — основная тема ранних стихов Первомайского.
В них много движения, горячего чувства,
темперамента.

Первомайский работает в области прозы и в
драматургии. Им написаны романтические пьесы
«Ватрова ночь», «Неизвестная солдатка»
и др., прозаические рассказы о жизни в украинском
полюсе Совету. Недавно Первомайский написал
интересную драматическую пьесу о герое
народных гусарских легенд и преданий —
Олексе Довбуле. Теперь поэт работает над
последним главами большого своего романа
в стихах «Молодость брата», а также над
переводом поэмы великого америкайского
поэта Эдварда Стейна «Слезы и Молочные».

Первомайский — поэт, выросший на сценических
искусствах поэтической культуры в Украине. В
ранности его творчества сыграли свою роль
Шкелювич и Лесь Украинца, но еще большее
значение имели для него такие поэты со-
временности Маяковский и Гаттиский.
Первомайский — романтический поэт, для сти-
хов которого характерны природность, тор-
жественная вдохновенная интонация.

И. АНТОКОЛЬСКИЙ

СМЕРТЬ КАМОЭНСА

Дон Людвиг Камонс, униженный судьбой,
В промоклом госпитале Лиссабона
Лежал один, вполыхая, и бессоннице тугой
И смерти ждал, слабей неуклонно.

Вот лучик проскользнул вечерний по стене.
Сгустилась ночь удушливой отравой.
Вся жизнь была, как сон, и снова, как сон,
Прежде нем любовь, пред ним война и слава.

Любовь? Он знал ее. Изгнание, войну —
Все вынес, все припоминает разом.
Веселый, пьяный мавр дал шпоры
И вот он падает с пробитым глазом.

А вы — по двадцать глаз хотя б имели
вы —
Что видели вы в мире беспредельном?
От грохота веков до шороха травы —
Все для него звучало гимном целиным.

Он мир вмещал в себе. Он с чудом был
знаком,
Знал меру чистоты и вес порока.
Он грубо растолкал и гнал вперед ником
Муз мешкотных... Но много ль в этом
проку?

Мир замкнул навсегда, и брошены ключи
В поток забвения, в ледяную Лету.
Погиб яванец-раб, что индуски в ночи
Вымалывал хоть хлеба для пощады.

Любовь к поэзии — он душу отдал ей.
Отказа — не базар. Своей святые
Не торговал старик. И в немощи своей
Как он гордится, как он счастлив ныне!

Ржавеет меч в углу. Чернильница пуста.
Смердит полхлеба в миске оловянной.
И все... Иль нет, школяр-гуляка неспроста
Всю ночь сквозь сон бормочет, булто

пьяный.

Как долго он в углу урляпком гремит,
Клянет свою красоту, злое стонет:
— Сдается, что поэт, как и всегда,
не спит.

Да и меня ко сну совсем не клонит.
Хотелось бы мне знать: всю правду
или нет?

Писали вы про штурм в Карамандесе
И в этот страшный час ваш боевой корвет
Выз вытросен на скалы и самой деле?

По чести вам сказать, я выдумкой считал,
Что, составясь с бурей морскою,
Спасая неслышно вы от прибрежных скал
Грелись одному правую рукою.

Бывало, что и я страсть как любил
стишки —
С кем не бывало слухам такому!
Но к дьяволу всех муз! Нужны нам две
руки,

Милейший мой, чтоб жизнь прожить
толково.

Поэт молчал. Потом он из последних сил
Устало прошептал, дрожа от горя:
— Все правда! Много бурь и гроз
я выносил

И в Средиземном и в житейском море.

В потках зависти, презрения, черных зол
Изменяю перек судьбой суровой,
Но от ударов тех защити я обрел
В одной руке своей здоровой.

А в левой рукою над смертью поднята
Для вечности, для моего народа
Награда высшая — та песня, та мечта,
Что мне дороже жизни и свободы.

Пускай другой поэт, в иной счастливый
век,
В живых словах, на языке безвестном
Свидетельствует, что погибший человек
Народу верен был в день честном.

Плыл медленный рассвет сквозь щели стен
сырых,
Школяр хралел. На стенах и на сводах
Мокрыми полями. Навес глаза открыл,
Дон Людвиг Камонс обрел последний
отдых.

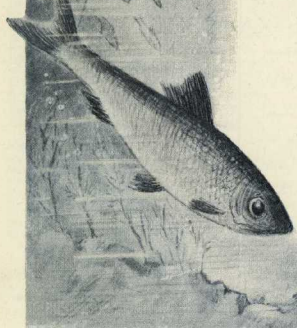
Перевел с украинского
Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Ю. Ю. Марти.

Я-ИХТИО

Е. ПАТМАНОВА.

Человек ловил рыбу уже в каменном веке. В древних стоянках первобытного человека нашли сделанный искусно и надо полагать, с большим трудом каменный рыболовный крючок. В некоторых прибрежных стоянках рыба была основным видом пищи. Ученые судят об этом по целым курганам рыбных костей.

Люди ловили рыбу и в более поздние времена. Поколение за поколением рыбаки ставили в море свои верши, вертежи, вальи. Закидывали сети и неводы. Профессия рыбака таила в себе много героического. Рыбаки были первыми мореплавателями.

Однако нужны были столетия, чтобы человек заменил примитивные рыболовные орудия новыми, чтобы наука помогла ему проникнуть в тайны подводного мира. В морях и океанах появились пароходы, траулеры, моторные лодки. «Стальной» невод, который укрепляют в море на якорях и поднимают из моря машинами, или сетной мешок — траул, протягиваемый мощным пароходом на глубине двухсот метров, мало напоминают невод, воспетый в песнях давних времен.

Современный невод — это индустрия. Ловля

рыбы основана теперь на серьезных научных исследованиях.

Еще в XVIII веке ученые пытались определять возраст рыб по наслоениям на их костях, похожим на годовичные слои, которые можно видеть на распилах дерева. Ихтиологам, людям науки, в последние столетия становится известным, какие именно виды рыб водятся в морях и океанах земного шара. Они изучают их образ жизни, характеры, их страны.

Институт, изучающий у нас жизнь рыб северного бассейна, носит название Полярного научно-исследовательского института морского хозяйства и океанографии.

Осень 1940 года... Кабинет Марти — заводящего сельдяной лабораторией этого института. Очень светло и солнечно, за окном воды Кольского залива и северное бездноуглубое море. На стенах голубые карты водных пространств: Белое море, Баренцево море, Норвежское море, Северное море, Атлантический и Ледовитый океаны. На столе стеклянные прозрачные цилиндры с рыбами разных пород.

Точнее, не разных пород, но разных форм. Это все одно и та же рыба. Но в одном цилиндре — норвежская сельдь, которая в возрасте двух-четырех лет заходит в западную часть Баренцова моря на несколько летних месяцев; в другом — муранская океаническая сельдь, круглый год обитающая в Баренцевом море, — записан ее возраст; затем муранская ферровая сельдь, которая водится только в прибрежной зоне.

Жизнь этой рыбы — уже не тайна. Ихтиологам известны все ее повадки, открыты ее миграционные пути, то есть передвижение. Ежегодно исследователи вносят на карты тонкие красные линии, которые обозначают приливы и отливы сельдяных косяков в самых разнообразных направлениях.

Эти загадочные кривые, точечные и прямые штрихи, выходящие у непосвященных представления о ребусе или шараде — простая азбука для Марти, но девушка, которая стоит перед картой, смотрит на нее с легким недоумением. Юная ученица муранской школы интересуется морской профессией, в том числе и профессия ихтиолога.

— А что же означают все эти штрихи

у берегов, цифры и столбики? — спрашивает девушка после долгого раздумья.

— Они указывают, в каком месте, когда и какие встречаются промысловые концентрации

СЕВЕРНЫЙ БАССЕЙН. Встречается 147 видов рыб. Главные промысловые рыбы — сельдь, треска, сайра, камбала, зубатка, морской окунь, минтай, налим, сельдь, осетр, стерлядь, корюшка.

муранской океанической сельди, — отвечает Марти. — Неужели вы можете предсказать путь?

— Да... Но только путем непрерывных наблюдений за жизнью этой рыбы. Через руки лаборанта ежегодно проходит более 25 тысяч сельдей. Поискные суда привозят нам рыбу из самых различных районов Баренцова моря. На каждую сельдь составляется паспорт. Лаборанты измеряют длину ее туловища и обхват головы. Взвешивают. Затем вскрывают, чтобы определить полную зрелость рыбы. Также вскрывают желудок и по его содержанию узнают, чем рыба питалась. Снимают чешую, чтобы узнать возраст. Сельдь может прожить до 20 лет. При помощи микроскопа мы прекрасно различим кольца на чешуе. Зимой, когда рыба почти не растет, на чешуе откладываются узкие кольца, лето, когда она откармливается и растет, отмечается широкими кольцами. По числу этих колец лаборант высчитывает число прожитых рыбьих зим, определяет ее возраст и год рождения. А это важно. Мы узнаем, какое поколение пришло к берегу. Например мы определили, что в этом году в районе Терiberга и у Кильдинской Банки добычей колхозников-ловцов станут мощные концентрации четырехлетних сельдей, а у восточного побережья будет сельдь трехлетнего возраста. Мы узнали, что сельдь войдет к берегу в августе месяце. Но вот январь, август настал, сего-

ДОГ

дня 10-е число. А сельдь разведчиками не найдена!

— Ошибка в прогнозе? — робко спрашивает девушка.

— Нет. Мы это предвидели. Мы предупредили, что неизбежно заповедие дней на десять. Самое большее на 15 дней!

В комнату вошел лаборант в белом калате: он передал своему начальнику радиограмму с моря.

— Сообщают, что в районе Кильдинской Виски сельдь не обнаружена! — ответил Марти на безмолвный вопрос молодого коллеги.

— Что же это такое, Юлий Юльевич?

— Не волнуйтесь, дорогой друг. Все в порядке. Нам хорошо известно, что сельдь оволадеет дней на 15, а не на 30! Передайте, пожалуйста, радиограмму капитану дрейфтера «Кекур»: «Рекомендую проверить соседние квадраты с северо-востока». А какие еще есть известия из других районов?

— Но лаборант уже исчез.

— Ничего не понимаю. Почему нет сельди? Кто запыляет, что рыба оползает на мель? Отчего так беспокоит этого товарища? — продолжает любопытствовать девушка.

— А вот почему... Подход сельди к берегам avviene прежде всего от ее питания и откорма. Сельдь питается зоопланктоном — мелкими дрейфующими морскими животными, большей частью каланиусом и черноморской, светлыми рачками с большими черными глазами.

АЗОВСКО-ЧЕРНОМОРСКИЙ БАСЕЙН. Встречается 215 видов рыб. Главные промысловые рыбы — белуга, нельма, сельдь, язь, толстолоб, судак, лещ, тарань, чехонь, бычок, кофаль, камбала, скумбрия, рябца, шавия, сазан, сом, осетр.

ми. Каланиус и черноморская в свою очередь кормится планктонными водорослями. В апреле обычно закрывают широкие морские пути этих водорослей... В 1940 году лето наступило поздно, весна была холодная, развитие водорослей задержалось. В связи с этим мы

Вы можете стать ихтиологом, гидрологом, рыболодом, инженером-механиком по добыче рыбы, штурманом, механиком по оборудованию рыбопромышленных предприятий, инженером-техником по переработке рыбы, судомехаником, инженером-экономистом.

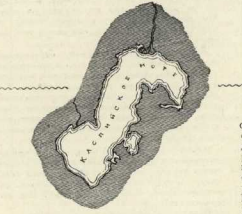
Вот какие есть учебные заведения, готовящие специалистов для рыбного хозяйства нашей страны.

ВУЗЫ.
Московский технический институт рыбной промышленности и хозяйства имени А. И. Микояна — Москва, Нижняя дорга, д. 2-4.
Астраханский технический институт рыбной промышленности и хозяйства — Астрахань, Бодливское шоссе, д. 10.

ТЕХНИКУМЫ:
Дальневосточный — Владивосток, ул. 25 Октября, д. 25.
Мурманский — Мурманск, ул. Шмидта, д. 2/65.
Тобольский — Тобольск, ул. Клари Цветкина, д. 2.
Якутский — Якутск, ул. Салтыкова-Щедрина, д. 14.

Астраханский — Астрахань, Набережная 1 Мая, д. 51.
Гурьевский — Гурьев, Казахская ССР. Рыбокомбинат.
Дагестанский — Махач-Кала, ул. 8-го Марта.
Херсонский — Херсон, Комовской ул., д. 13.

Кроме того, ихтиологов и гидробиологов готовят биологические факультеты Московского, Ленинградского, Казанского и Пермского университетов, а гидрологов — Московского гидрометеорологического института.

КАСПИЙ. Встречается 75 видов рыб. Главные промысловые рыбы — белуга, осетр, севрюга, сельдь, волби, лещ, судак, сазан, беломорский судак морской, кутум, кофаль, ланца (аерех), сом, стерлядь.

наблюдали поздний откорм сельди. А если так, то и к берегу она подойдет позднее! Я, ихтиолог, считаю, что запаздывание будет больше 10—15 дней. Но некоторые добытчики придерживаются иного мнения: говорят, что сельдь подойдет к берегам через месяц. «Холодный год!» — говорят они. Вот весь их довод.

— Следовательно, изучение образа жизни рыб имеет большое значение для рыбного хозяйства? — спросила посетительница.

Марти усмехнулся.
 — А на основании каких же данных наша лаборатория, например, рекомендовала рыбной промышленности самые удобные сети для добычи прибрежной сельди? Разве мелководья, предельно сельдь у восточного побережья, повышая широкочешуйной сетью?!. Задачи ихтиологии как прикладной науки очень разнообразны. В нашей стране возникают водные максимы, и весьма полезно знать, например, как будет расти рыба в «Московском море». А слышали вы о пелагиде, жительнице Атлантического океана, проникшей в Черное море? Эта хищная рыба, похожая на макрель, довольно приятна на вкус. Сейчас уже развивается большой ее промысел. В 1931 году мальков кефали перевезли из Черного моря в Каспий. Новая «переселенца»

очень понравилась, рыба обжигалась, размножалась, растет быстрее, чем на своей прежней родине. Теперь ее добывают тысячами центнеров. Бурят-монгольская научная рыбная станция занимается акклиматизацией байкальского омуля в володах республики. В прекрасных горных озерах Турции прижились чудской сит. На рисовых полях Узбекистана, Азербайджана и Туркмении успешно разводят карпа и гамбузию...

— Но ведь эти поля залиты водой недолгое время. Там же плавает рыба, когда сохнет рис? — изумилась девушка.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ БАСЕЙН. Встречается 727 видов рыб. Главные промысловые рыбы — сардина, сельдь, скумбрия, тунец, анчоус, акула, лещ, горбуша, нерпа, красная, клуш, треска, хата (овинка дальневосточная), камбала, осетр, амурский лещ, толстолоб.

— Сто дней — срок вполне достаточный, чтобы крохотные мальки, пущенные в естественные, стали взрослой рыбой. Рыбные поля в Средней Азии работают на создание искусственных, охваченные земляными валиками. А во время сброса воды из чевоу рыба укрывается в специальных канавах, прорытых вдоль валиков. Разведение рыбы на рисовых полях возникло много веков тому назад в Китае, откуда в XVIII веке было перенесено в Японию. Оно широко развито в странах Восточной Азии, Китае, Индонезии, на острове Ява. В старое время в России никогда этим не занимались. Советские ученые В. А. Мейер и А. С. Богданов своими опытами в 1932 году открыли новые возможности комбинированного хозяйства в Средней Азии. Рыба на среднеазиатских рисовых полях питается водорослями и семенами сорняка «курчава». Чтобы рыба съела росла и жирела, рыболовы подкармливают ее гонозистиками и личинками, перемолотыми на мусорокубах и смешанными с мукой. Но прожорливая гамбузия и карп сами находят естественную пищу, а ведь личинки и куколки анофелес — малярийного комара. Как видите, разведение рыбы на рисовых полях важно и с точки зрения борьбы с малярией...

Завоная телефон. Дежурный извещал, что самолет отлетает через час на поиски сельды. Мартин простоял с юной посетительницей, пожелавшей успеха в дальнейшей судьбе.

Но и в этот день сельды не было найдено!

Прошла неделя. Лаборанты неоднократно вылетали в море. Сельды не было! Добытчики покочинали головами. Колхозники-ловцы несколько раз перебрали на берегу сухие пустынные сети, осыпая невеселыми шепотами водоросли, холодную воду и самую сельду, заглушающую где-то в море. Хороший рыбак не любит сидеть на берегу!

На один из канатов поисковых судов, летчиков и лаборантов не мог, однако, сказать, что на первый нашел сельду. Рыба сразу пошла густыми косяками! В один из тот же день ее обнаружили в заливе и восточного и западного побережья.

Сельда опоздала на 13 дней. Предсказание исполнило сбось!

Мартин не прекращал полеты в море и во время пути... Море светлело внизу, ревелось сплоскобное, нагнетало сонливое. Где-то далеко, маленькими частями тонкими чернели оторки колхозников-ловцов. Потом и они исчезли. Но море только казалось необитаемой пустыней. В глубинах тонкая ель двигалась плотной серебристой скачкой массой рыба. Мартин знал, где он сможет даже увидеть рыбу, вернее, заметить сверху, с борта самолета тонкие пятны на морской зеленоватой глади. Так и случилось. Еле издали разведчик увидел сначала белых чучел. Они хлопотливо летали над морем, над бурляющими прищучиваемыми пятнами. Котурги этих пятен мгновенно привлекли внимание Мартина. После нескольких контрольных галсов самолета он послал начальнику промышленной разведки телеграмму.

Обнаружены исключительные концентрации. Один квадратный километр свыше десяти стай. Косяки размером до 80 метров. Необходимо переключать промышленный флот в район мыса Вzglанья.

Возвращаясь домой, экипаж самолета заметил крупное рефрижераторное судно с немалым флотом мелких моторных «сдорос» на борту. Это был «Комсомолец Арктики». Дорки уже спускали на воду. Стрелком моторамы они должны были разбежаться в разные стороны, погружая прозрачные крепкие сети в воду. Поэтому Мартин решил сначала хорошо проверить разведенные температурные пятаи в море, а потом уже рекомендовать капитану судна покинуть эту промышленную зону.

Проверка не была лишней. Косяки здесь оказались короткими, а число самих сельдяных стай было гораздо меньшим.

Собрав дорки с моря, «Комсомолец Арктики» полным ходом пошел к мысу Вzglанья. Вслед за ним поехали чайки, оживленно перелетывая на лету.

На снимке: сцена из 8-й картины.

ПРИВЕТ МОЛОДОМУ ТЕАТРУ!

Сидя в зрительном зале Государственной театральной студии на первом ее спектакле «Город на заре», мы были влюблены в Беклу, сочувствовали и ждали удачи Веню Альтману, презирали Борджоговского, любовались Костей Белоусовым, поговаривали над Зябником, одновременно восхищаясь им.

В течение четырех часов мы жили одной жизнью со стропилем Комомосовым и жили из театра живоловца. Разговор все время вертелся вокруг спектакля, и мы сами не заметили, как он перешел в спор. Мы вспоминали пьесу с самого начала и разбирали каждый образ, созданный тем или иным автором.

Костя Белоусов. Веселый, обаятельный матрос, человек, беззаветно преданный строю. Но почему же, узнав, что любима им Оксана выходит замуж за Зябника, Костя в припадке отчаяния вдруг посылает работу к черту, на мгновение решает плюнуть на все и уехать? Как-то не вписался это с образом стойкого комсомольца, преданного новострой?

Зорин — себелюбный сын кулака, завладевший к комсомолу... Откуда же у него такая горячая любовь к Бекле, такая большая, хорошая приваженность и слабово, интеллигентному, честному Альтману? Как это совместить?

Оксана — энергичная девушка, работница, бригадир. Она презирает смешного мечтателя Зябника. Как же она могла полюбить его? Почему эти два совершенно разных человека решают в конце концов пожениться?

Так, разобрав со всей строгостью январских критиков поведение каждого героя, мы постепенно пришли и к заключению, что в спектакле нет ни одного цельного образа. Мало того, «Город на заре» невероятно растянут, в нем много лишнего.

А потом вдруг мы привадувались... Значит, спектакль сильно состоит из недостатков? Но почему же мы смотрели его с таким захватывающим интересом? Почему Бекла, Альтман, Белоусов, Шмелев, Оксана и Зябник со всей их противоречивостью нам так близки?

Это нас смущало. Вдруг один из нас сказал:

— Да потому, что мы разбирали литературных героев, а перед нами были живые люди.

И это было совершенно правильно. Мы пытались увидеть в героях «Города на заре» образы, к которым уже привыкли в нашей драматургии. И из этого ничего не вышло. То, что создал коллектив студии, гораздо сложнее.

Это определялось методом, по которому создавались спектакль. Действующие лица появились на свет раньше, чем родилась пьеса.

Сначала каждый из молодых авторов рассуждал о человеке, которого он хочет играть, обрисовал полную биографию своего

героя. Потом на основании таких творческих замыслов был создан сценарий, по сценарию ставили опыты. Импровизированный текст разыгрывали. Ничего на написанной автором постановки и режиссуры, если они казались ему несущественными характеру героя.

Потому в спектакле нет ничего фантастического, примитивного. На сцену пришли юности и девушки со всей непосредственностью их характеров, живые люди.

Есть в спектакле особенно интересная черта. Почти все действующие лица меняются в процессе стройки. Это — не внезапное превращение, которое встречается в иных пьесах. Нет, процесс переживания героев под влиянием борьбы и труда совершается так естественно и незаметно, что зритель лишь в конце пьесы как бы просыпается:

— А ведь Альтман-то уже не тот! А ведь Бекла уже другой стала!

Этот новый бы существовал спектакль оригинали и по форме. Очень интересен хор, представляющий непосредственное участие в действии, выражающий свое отношение ко всему, что происходит на сцене.

Мы просмотрели живой, искренний спектакль. На сцене молодой студии было много настоящего таланта советской молодежи, полная дадора, романтики, жажды борьбы.

Ролфе Хаппи,
Виктор Горюхов,
Наталья Дзюбинская,
Анатолий Золотарев,
Нина Рубинская,
Нина Бергер.

110-й школы, Москва.

Горит-комсомолец М. И. Селевский в роли Зябника.

ЧТО МЫ УМЕЕМ ДЕЛАТЬ САМИ

Я всегда восхищался радиотехниками со множеством ламп и сложнейшим переключением приборов, но думал, что только в специальном мастерской можно делать, тогдашнюю Пятилетку конструкторы, инженеры, конструкторы, планировали укомплектовывать лампы.

Тогда два варады, когда ребята нашей школы сами собирали радиоприемники, и только попробовав сделать дуэтом радиоприемник «С-1», это мне удалось, и тут уж я стал мечтать о супергероях «СБСФ». Решил написать, попытаться собрать его.

Прежде всего должен «выяснить» принцип. Все отключил в нем, чтобы было выключать отключил. Это довольно трудная работа: она требует внимания, Precision, умение повторять, выключать всяких выключателей на катушках плавно и в его как собрал. Иные для него и сделал из толстой фанеры и обтянул бумагой, что сп мало чем отличается от фабричного.

Инструменты для своей работы я брал сначала в школе, а потом вывел свою пилу, тиски, плоскогубцы, пассы. Мои инструменты свободно помещаются в небольшой ящик.

После ухода в приемник и выключил усилитель-преобразователь своей Фотоаппаратуры, сделал ящик для печатных приборов и негативной лампы на фотобумагу; катушки фотонапряжения перенес на машину для выжимки матиры.

273-й школы. Москва. Владимир КУЗНЕЦОВ.

В 241-й Московской школе ставится своим руководством деятельности Вала Солонцова. Он имеет кружок протеза, сафари, сортики, вылет брусков и на санях, вылетает. Обещ, не

Вот кони выжнены, мы бежим в след за седлами, седлами и вывозим лошадей на двор.

— Направо равнины! — говорит командир.

И стою первым в шеренгу за Удальским своим «Ловком». Рядом со мной «Лунатик» Сима Николаева, а дальше уже никого не вижу: громадный «Лунатик» заслонил от меня весь мир.

— Поищите лошадей!
— Есть почистить, товарищ командир!
Принимаюсь за дело. Хорошо вычищать лошадей — большое искусство, и мы ему не сразу обучились, зато теперь не бывает случая, чтобы командир отстался нами недоулен.

По вот кони выжнены, мы бежим в след за седлами, седлами и вывозим лошадей на двор.

— Направо равнины! — говорит командир.

И стою первым в шеренгу за Удальским своим «Ловком». Рядом со мной «Лунатик» Сима Николаева, а дальше уже никого не вижу: громадный «Лунатик» заслонил от меня весь мир.

— Поищите лошадей!
— Есть почистить, товарищ командир!
Принимаюсь за дело. Хорошо вычищать лошадей — большое искусство, и мы ему не сразу обучились, зато теперь не бывает случая, чтобы командир отстался нами недоулен.

По вот кони выжнены, мы бежим в след за седлами, седлами и вывозим лошадей на двор.

— Направо равнины! — говорит командир.

Ездить на лошади — нехитрое дело, если лошадь смирна, покорна и ласкова. Вспарывайся на ее спину — и поющей степе конь покатится. Она не сбросит, не повесит, не укусит. Но, по мне, лучше нешок идти, чем сидеть на такой лошади. Я люблю горячих коней, быструю езду, связанную с опасностями и приключениями. С тех пор, как мы стали кавалеристами, приключений у нас было предостаточно. Но главное, конечно, но в них, главное в том, чему мы научились за этот год.

Теперь мы уже скоро получим звание воронцовских всадников, а когда пришли в первый раз, боялись к коням близко подойти. Не все, конечно, так, что живут в коих-то амбарах с лошадами и равняют правду, не с кавалеристами, а с более смиренными, рабочими лошадьми.

Кони всех наших коней начинаются на бугор «Л», так же как и наш район — Луковнички: «Либель», «Летчик», «Любимый», «Ловкий», «Лазутчик», «Лунатик», «Летун», «Лыко».

У каждого из нас свой конь. У меня «Ловкий». Он вполне оправдался коню. Это вороной, горячий, молодой конь, ноги у него крепкие и стройные, грудь широкая. Черезный конь. Когда мы делаем упражнение «кавалери», всегда вперед вылетает сразу через все барьеры, в то время как нужно брать их последовательно. «Ловкий» ко мне привык, а попробуй подойти к нему незваному — встретит так, что у этого охота пропадет вместе с ним делом!

На первый взгляд все наш конь похожим друг на друга, но это только на первый взгляд. У каждого свой характер, свои повадки, а иногда и интриги. Вот, например, «Лига». Это большая рыжая лошадь, как будто немного вялая. Попробовал и было поехать на ней, да ей шпора, а она нахально задом выскочила. Бросила, конюхи. Выбросил на нее второй раз, но она никак не старалась удержаться, — опять сбросила.

Совсем другое дело «Любимка»: мы как-то случилось проехать на ней километра три. Идет она медленно, не торопится, и упрям как осел: ни за что не дастся ни ее перейти в галоп. Я измучился с ней.

Наш кавалерийский клуб расположен в нескольких в двух от школы, а конюхи много ребята еще дальше: километра в шести от клуба. Но являются все на занятия точно и строго. В 10 часов утра все кавалеристы в сборе. Командир командует:

— Поищите лошадей!
— Есть почистить, товарищ командир!
Принимаюсь за дело. Хорошо вычищать лошадей — большое искусство, и мы ему не сразу обучились, зато теперь не бывает случая, чтобы командир отстался нами недоулен.

По вот кони выжнены, мы бежим в след за седлами, седлами и вывозим лошадей на двор.

— Направо равнины! — говорит командир.

И стою первым в шеренгу за Удальским своим «Ловком». Рядом со мной «Лунатик» Сима Николаева, а дальше уже никого не вижу: громадный «Лунатик» заслонил от меня весь мир.

на конях!

— По коням! — командует тов. Минас.

Мы садимся на коней, и начинаем учиться. Дни кавалеристов делятся года у нас свои занятия. Зимой мы упражняемся в езде на лыжах до конюхи. Это увлекательнейший спорт. Конь мчится галопом и влетает тебе за собой, а ты держишься за поводья, прицепленную к ошейнику конюхи, и управляет лыжами, которые раздвигаются в разные стороны, подвешиваясь на кочках, проваливаясь в рыхлый снег. Надо только держаться крепко ошейнику, а то все лицо падает комками снега, которые летят из-под конюхи. Так случилось со всеми нами в первый раз. Теперь мы довольно привычно ездим. Провели уже два похода на лыжах за лошадьми: один 30-километровый и второй на 70 километров.

Сейчас у нас на очереди рубка леса. Прощаясь летом лам, кавалеристам, дали важное задание: в ольшан на соседних деревнях было несколько случаев заболевания скота ишуром — это очень опасная болезнь. Чтобы не разнести заразу, запретили выводить из определенной зоны, не пробы дезинфицируя, а нам поручили охранять эту зону. Мы должны были останавливать всех проходящих, проверять документы о дезинфекции, а если таких документов не было, отправлять обратно.

Мы приходили часов в 11—12 вечера на конюшню и ложились спать. Как хорошо спать на сене! Часа в два всматриваясь от пошаривания урчимся в колоды. Восток светит. Мысленно холодной водой из колоды, быстро чистим лошадей. Командир тоже уже встал и что-то делает в склад. Седлам конюхи и отправляется на пост. До него километра четыре. Едем кучающимися упряжками по мостовой. Тишина, каждый конюх слышит давленую колоды. Вот галоп на путих вывелись упряжки только аспириды и побелая, едут на стыках рельс. И опять тихо.

Придем на пост, станем на свои места в лагу. Здесь еще тихо, только иногда чирканье пролетающих птиц. Вспомнимся в лагу. Все на грёбе конюхи понаехали черная точка. Человек. Он почему-то хочет пройти лесом: то ли не знает о карантине, то ли намеренся несознательно провалиться, любая процедура дезинфекции. Мы остаемся стоять, его отправим назад и опять станем на свои места.

Восток начинает светить, и вот уже красный диск солнца показывается из-за горы. Все сразу оживает: стелера и птицы. От лугов поднимается пар.

Часов в восемь приезжает овена. Отправляемся домой, чтобы опять опять вернуться с овен.

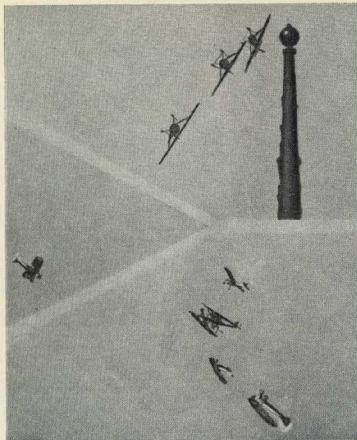
Это было прошлым летом. Впереди новое лето, новые дела.

Я как-то был в цирке, видел джесированных лошадей, они танцовали галч, ходили на задних ногах, скакали. Они претреливали все это очень ловко, видно, немало сил было положено на то, чтобы обучить их, и все же меня не волновало их искусство. Конь, по-моему, создан для того, чтобы мять, настоящей жизнью: работать, сражаться, под себя гнуть и разрывы сwardно стели своего сюжета в гуду бок, вместе с ним биться и победить. Коня и смотрит на забавном фокусы цирковых лошадей, мне стало их немного жаль. Не хотел бы я такой судьбы своему «Ловкому!». Я хочу для него, так же как и для себя, явную, полной борьбы и сражений.

Александр КУЗНЕЦОВ.
Луковнички, средняя школа,
Московской области.

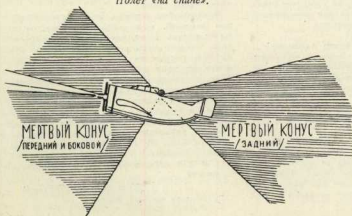
Почему смеется Джек? (см. 28-ю страницу).

Фигуры высшего пилотажа: сверху — крутой вираж; слева — взвод в пики; внизу — самолет падает «листом на спине».

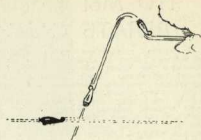

Полет «на спине».

Зоны, которые не простреливаются из пулеметов (защитные зоны).

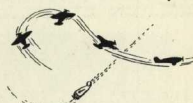
I. Летчик-истребитель, вынырнув из облаков, увидел ниже самолет противника. Он сделал «горгу» и стремительно начал шировать, рассчитывая обстрелять врага сначала вдоль оси сперку, а затем — полететь к нему под хвост.

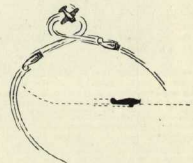
II. Но противник увеличил скорость полета, и атакующий проскочил позадик его.

Истребитель резко выводит самолет на шико и, набирая высоту, старается зайть под хвост противника.

Противник угадал это намерение, сделал боковой разворот и полетел в обратную сторону.

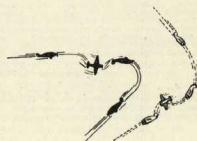

III. Тогда истребитель нажимает вверх точно для того, чтобы сделать «мертвую петлю». Но в тот момент, когда его самолет «лег на спину», он переворачивает его через край по способу летчика Имезьмана и снова бросается в атаку.

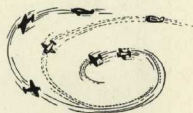

IV. Противник опять ускоряется. Он тоже переворачивает свой самолет через край, или, как говорят, делает «полубочку», и диаметр виража, меняя направление полета.

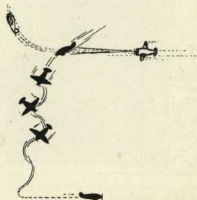
Истребитель снова проскочил мимо, теперь перед противником. Он накручивает все круче и затем, оказавшись на спине, переворачивается и начинает преследование сначала.

V. На этот раз он летит за противником на одной высоте. Противник круто вращает свой самолет. Он решился теперь принять бой на поворотах с креном, т. е. на виражах. Истребитель также вращает. И некоторое время «оба самолета описывают окружности — бой идет на «парусах».

VI. Противник все же хочет ударить. Он выравнивает самолет. Его настывает истребитель и дает очередь из пулеметов. Самолет противника на мгновение как бы задерживается на месте, становится как-то болон и затем, крутясь «штопором», падает. Истребитель считает, что его пули нашли цель. Если это так, истребитель может спокойно улететь... Но если он промахнулся, противник где-то внизу может вывесть машину на штопор и, радуясь удавшемуся обману, ударить. Поэтому лучше проверить, действительно ли разбилась машина противника.

БОЙ В ВОЗДУХЕ

ПЕРВАЯ СХВАТКА

«ДУЭЛЬ»

Осенью 1914 года несколько корпусов русской армии успешно наступало на Львов. 11-й авиационный отряд вел регулярную воздушную разведку.

Однажды, когда русские летчики уже вернулись на свой аэродром, расположенный около местечка Жоленька, в воздухе появились три австрийских самолета.

Австрийцы, очевидно, намеревались повторить попытку сбросить бомбы на аэродром или железнодорожное станцию.

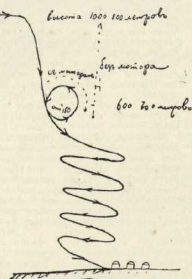
В то время зенитных орудий еще не было. Летчики противника спокойно стали свиваться.

Тогда командир 11-го авиационного отряда Нестеров — тот самый, который прославился, сделав первым в мире «мертвую петлю», решил помешать противнику. Он быстро взлетел и стал набирать высоту.

Но как бороться с противником в воздухе? Пулеметов на самолетах еще не ставили, хотя Нестеров и предлагал вооружить ими русскую авиацию. Начальство нашло, что это не нужно.

Нестеров решил таранить один из австрийских самолетов, т. е. попросту ударить его сверху колесами своего легкого полувоздушного «Морана».

Такой маневр был очень опасен. Все же летчик-патриот пошел на риск. Со своей стороны он искуством пилотирования нашло выгодную для атаке позицию над средним австрийским самолетом и бросил «Моран» вниз. Колеса самолета Нестерова коснулись правого верхнего крыла

Триесторонняя историческая «мертвая петля», впервые в мире продемонстрированная в Бове 27 августа 1913 года (слева изображена самая Нестерова).

правого крыла, она накренилась, а затем стала разваливаться и, кружась, упала к земле. «Моран» отважного летчика также получил повреждение от удара. Но по времени он сирывало планировал вниз, и лишь в пятидесяти метрах от земли, на высоте десятиэтажного дома, вдруг стал стремительно падать.

Так гибелью обоих летчиков кончилась первая схватка в воздухе...

«ТУЗЫ»

Примерно через год после этого события на боевых самолетах начали устанавливать пулеметы. Их укрепляли над головой летчика или летчицы-наблюдателя на верхних плоскостях крыльев или на специальной поворачивающейся дуге — турели, в задней части фюзеляжа.

Воздух стал ареной ожесточенной битвы. Каждый из противников стремился помешать другому вести воздушную разведку и бомбометание. Появились специальные самолеты воздушного боя — более быстрые и маневренные, вооруженные одним или двумя пулеметами, стреляющими прямо вперед через вращающийся винт. Такая установка пулеметов стала возможной после изобретения особого механизма — «сикронизатора». Этот механизм приводил в действие пулеметы только тогда, когда лопасти воздушного винта находились в поперечном положении, и поэтому винт не мог их задевать.

Начиная самолетов воздушного боя — истребителей самолеты противника — дали им название «истребители».

Появились и летчики, специализировавшиеся в воздушных боях. Их также стали называть истре-

бителями». Некоторые из таких летчиков, одержавшие более десяти побед в воздухе, горделиво назывались «асами», то есть «тузами».

Наибольшее количество самолетов противника (французов и англичан) сбил немецкий «ас» Рихтерманн. Он одержал восемьдесят побед в воздушных боях. Его брат Лотар также был известным «асом»: он победил в сорока схватках.

У французов и англичан крупнейшими «асами» были летчики Рене Фокк и Мешок. Они сбили по семидесяти пять самолетов противника.

На русско-германском фронте война в воздухе велась не так ожесточенно, как на западном, воздушных боев здесь было меньше. Все же русский летчик Крутяков, прозванный товарищами за отвагу и мужество «внтязем», сбил пятнадцать самолетов.

Общий итог боевой работы истребительной авиации за мировую войну 1914—1918 годов выражается внушительной цифрой: за четыре года в воздушных боях истребителями сбито около восьми тысяч самолетов!

Летчик Крутяков был в разведке. Осмотрев расположение противника, он повернул обратно и в это время заметил три австрийских самолета. Крутяков решил атаковать их. Он поднялся выше, спрятавшись в облака и так пролетел некоторое время, чтобы незамеченным приблизиться к противнику. Потом вынырнул из облаков и устремился сверху на средний, командирский самолет. Противник заметил нападенье слишком поздно. Они стали поворачивать свои машины, чтобы встретить нападающего очем передних пулеметов, но не успели. Крутяков «вынырнул» под хвост командира, затем немного приподнял свой самолет и в упор, на расстоянии тридцати — сорока метров, расстрелял вражескую машину.

Бой Крутяков типичен для истребителей времен первой мировой войны.

Это бой индивидуальный, один на один, «дуэль».

Истребители охотились за противником, поджидая его на высоте, засады, в облаках или в солнечных лучах, а затем внезапно атаковали пикирующим полетом. Это давало превосходство в скорости полета и позволяло быстро набрать неприятеля. Затем истребитель старался приблизиться к самолету противника с хвоста на предельно короткую дистанцию — метров десять — пятьдесят, — наискось снизу или сверху, в так называемой «мертвой зоне».

Если это удавалось, то противнику приходилось плохо.

Известного «аса» первой мировой войны Бельке спросили: в чем секрет его воздушных побед?

— Это очень просто, — ответил Бельке, — я подхожу ближе к своему противнику, тщательно прицеливаясь, и он падает.

Что атаковать очень просто, — это Бельке сказал, конечно, ради красного словца! Для того чтобы приблизиться к противнику на короткую дистанцию с незанесенной стороны, надо владеть искусством выслеживания. Иначе нападающий легко может превратиться в атакуемого.

Например если, пикируя на противника, нападающий поведает,

как «заходить»: прямо в хвост или снизу под хвост — и... проскочит мимо цели, то противник, оказавшись выше нападающего, получит преимущество и может либо спланировать либо сбросить атаковать.

Бывает и так: нападающий не рассчитал и перешел с пикирующего на горизонтальный полет слишком далеко от противника. Тогда противник, заметив нагоняющий его самолет, может сделать боевой разворот и встретить его в лоб, а затем, когда машины встретятся, разойдутся снова, либо уйти, либо вступить в бой на маневре, т. е. на различных эволюциях самолета.

Бой на маневре — это вторая стадия воздушного боя. Она наступает, когда нападающему не удалось сбить противника при первой внезапной атаке. На этой стадии победить может только тот летчик, который лучше летает. Каждый из противников стремится занять наиболее удобное положение — подлететь поближе к противнику, незанесенной стороны. У односторонних истребителей пулеметы могут поражать только вперед, и поэтому противник старается сблизиться так, чтобы оказаться за хвостом друга, сверху или снизу.

Перво — на встречном курсе — атаковать хуже: по двум причинам: во-первых, шансы быть пораженным очем пулеметов равны; во-вторых, при сближении в лоб очем волна суммарная относительная скорость полета обеих машин. Поэтому летчику приходится менять направление полета за несколько сот метров до противника, иначе неизбежно столкновение обеих самолетов.

Атаковать сбоку невыгодно, так как в этом случае трудно попасть в противника: он мелькает вперед носом с такой быстротой, что прицеливаться точно, или, как говорил Бельке, «стационально», невозможно.

Современные истребители имеют скорость в шестьсот и более километров в час. Это в четыре — пять раз больше, чем скорость полета, например, стремительно несущееся ласточки. А попробуйте в нее прицеливаться!

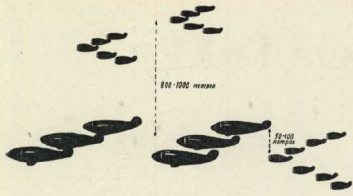
БОЕВЫЕ СТРОИ

Юности не только вперед, но и назад.

Атаковать такие самолеты довольно сложно, так как нападающий для атаки должен приблизиться к противнику в «мертвую

Боевой строй сопровождения бомбардировочных группировок истребителей (вид сверху).

Боевой порядок сопровождения бомбардировочной группы истребителей (вид сверху).

коуесе, иначе он попадет под огонь задних пулеметов и может быть сбит ранее, чем сам откроет огонь.

Во время войны с финской белоохранительной был такой случай.

Три наших бомбардировщика, возвращаясь из далекого рейда, подверглись нападению одиннадцати истребителей белофиннов.

Бомбардировщики немедленно построились таким образом, чтобы все пространство позади них могло простирались турельными пулеметами. Белофинны зенитки начали атаку с шквалами, идя по среднему бомбардировщику. Но их встретил сосредоточенный огонь пулеметов всех трех наших машин. Несколько минут — и два истребителя врага были сбиты, а третий, растерзанный, вышел из боя, не закончив атаки. Затем, продолжая сохрять оборонительный строй, наши бомбардировщики стражи несколько вражеских атак, сбив еще семь самолетов белофиннов и без потерь вернулись на свою базу. Этот случай, показывая мастерство наших воздушных бойцов и качество советского оружия, а то же время говорит о трудностях атаки бомбардировщиков, когда они поддерживают друг друга огнем.

Поэтому, нападая на соединения бомбардировочной авиации,

«ОДИН В ВОЗДУХЕ — НЕ ВОИН»

Известную поговорку «Один в поле — не воин» перефразировал Герой Советского Союза летчик-истребитель тов. Горанов. И он совершенно прав. Современный воздушный бой — это прежде всего массовый бой. Начинается он атакой противника. Затем он переходит в бой на маневр, который истребители образно называют «сшибай свалкой».

Тогда нередко на очень небольшой «высотке» в воздухе, топясь друг за другом, стремительно носятся десятки самолетов. Каждый истребитель старается занять положение за хвостом противника, а противник — сгнать его с хвоста и атаковать в свою очередь.

Истребители стараются действовать коллективно, помогая друг другу в трудные мгновения, сообщая нападая на наиболее опасных противников и т. д.

И нем дружные действия истребительной группы в бою, чем выше у каждого истребителя чув-

ствительности прежде всего стремится расстроить оборонительный строй противника.

Когда бомбардировщик идет в одиночку, то бой между ним и истребителем напоминает борьбу, которая иногда завязывается между истребом и ласточками.

Истреб сильнее, больше, но не так быстро летает и менее маневренный. И ласточки пинают врага так, что перья летят!

Поэтому, как правило, при дневных полетах соединения бомбардировщиков прикрываются истребительными группами.

Эти группы располагаются так, чтобы можно было предупредить нападение истребительной группы, откуда бы она ни начала атаку.

Боевые порядки соединений бомбардировочной и истребительной авиации бывают различными. Чаще всего сопровождающие истребители делятся на три группы, одна из которых идет вперед и впереди бомбардировщиков, а две другие — по бокам их.

В дальний полет бомбардировщики уходят обычно в сопровождении тяжелых истребителей. Например если при налетах на английские города германские бомбардировщики вылетают с лучшими истребителями «Мессершмидт-110». Для «прорывания» же бомбардировочника через линию фронта могут быть использованы и легкие истребители.

Кравченко сбил семнадцать). Но из общего числа поврежденных на землю противников около одной трети приходится на «обойки котла». Они были сбиты в воздушном бою коллективными действиями дружной семьи наших истребителей.

Современный бой в воздухе отличается от тех, которые происходили двадцать — двадцать пять лет назад, помимо массовости, еще одним существенным качеством — большими темпами.

Скорости самолетов возросли больше чем в три раза, увеличилась скорострельность авиационных и пушек — и это привело к тому, что все законши в современном воздушном бою занимают секунды. Например для прицеливания и стрельбы по противнику у атакующего летчика обычно бывает в распоряжении всего полсекунды и менее.

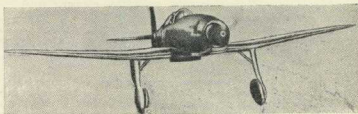
Тем бои, его напряженность предъявляют к летчику-истребителю повышенные требования. Слабый человек не может стать им. Но и сильный должен упорно готовить себя к этой профессии, укрепляя свои нервы, волю, тело.

Герой Советского Союза летчик-истребитель А. Осенко го-

ворит, что даже крепко сложенный, выносливый пилот не должен полагаться на свое природное здоровье. Он обязан систематически, изо дня в день, тренировать свой организм, укреплять его, закаливать, делать еще более крепким и выносливым. Летчику-истребителю полезен альпинизм, специальная гимнастика в бареже, с резиновым колючим, на турнике, кольцах, трапеции, параллельных брусьях, качалках и особенно на батуте. Весьма полезны и другие виды физической культуры и спорта, укрепляющие и закаляющие здоровье, развивающие в нем смелость, уюность, настойчивость, решительность, быстроту реакции.

Таким был Чкалов, таким же сталиские соколами, летчики-истребители воздушного флота.

Но есть еще одна черта, отличительная советских летчиков — великая преданность любимой социалистической родине, готовность пожертвовать собой ради нее. Сталинские летчики знают, что идут в бой ради наших успехов человечества, и это сознание несет им победу во всех битвах, с любым противником.

Истребитель «Хвильеяк Пе-113».

Истребитель «Синяйфр».

Истребитель Группы «Сайфрот».

Ступени формы

Тесен и мал был мир древних. Плоский круг Земли омывался по краям рекой Океаном, сверху его прикрывал хрустальный свод неба с укрепленными в нем точками — звездами. Каждое утро светлый бог Гелиос на четверге крылатых лошадей поднимался с восточного края неба и мчался до востоку на багрящей золотой колеснице, освещая и согривая Землю. Совершив свой обычный путь, Гелиос скрывался на западе, и сияющую Землю озаряла крошечка Селена — Луна...

Но уже в те времена была людя, но верили, что мир так прост и узок. Гениальный математик Архимед (III век до нашей эры) считал вселенную шаром, радиус которого в 100 миллионов раз больше радиуса Земли, а земной радиус принимал равным, на наши меры, приблизительно 70 тысячам километров (в 11 раз больше истинной величины). По вычислениям Архимеда, вселенная — шар с радиусом в 7 миллиардов километров (билайон — миллион миллионов, 10^{10}). Цифра гигантская по сравнению с привычными представлениями миров, но и она ничтожно мала. Действительные размеры вселенной бесконечно больше.

Для измерения огромных звездных расстояний астрономы пользуются системными годами¹. Вселенная Архимеда имела бы радиус меньше одного светового года. В наши дни покачавший мир расширился до размеров ша-попана в 150 миллиардов световых лет.

Кто же перебрался мот через непостижимые бездны вселенной? Кто измерил расстояния до Луны, Солнца и звезд?

— Мы! — гордо отвечают на этот вопрос математики.

Первый прыжок в мировое пространство сделал тот безвестный математик, который

¹ Световым годом называется расстояние, проходимое светом в течение одного года, в круглых числах это 95 миллиардов километров.

Средневековые фантастические представления системы мира (по «Астрономии» Фламариона).

измерил ширину реки, не переходя через нее, и определил высоту дерева, не забравшись его вершину. Впервые непосредственное измерение заменено вычислением; в математике появился новый метод — тригонометрический. Он высчитывает больше двух тысяч лет существования.

Так же, как ширина реки, измеряется и расстояние до Луны. Из двух точек земной поверхности, *A* и *B*, два наблюдателя одновременно измеряют высоту Луны над горизонтом, т. е. определяют углы *OAB* и *OBA*. Расстояние *AB* известно.

Знаящие тригонометрию легко решат треугольник *OAB* по стороне и двум прилежащим углам.

Представьте себе необычайно волнение астронома, впервые определившего расстояние от Земли до Луны, когда под его пером появилось число 385 тысяч километров. Он не верил своим глазам, но пересчитывал снова и снова, тщательно ища ошибки в своих вычислениях. Пешеход, который шел бы, ни на минуту не останавливаясь, не отдыхая ни днем, ни ночью, со скоростью 6 километров в час, добрался бы до Луны через 7 лет!

Но еще больше было изумление ученых, когда они узнали, что по Солнцу 150 миллионов километров, до Юпитера — больше 600 миллионов километров и до Сатурна — около 1300 миллионов километров. Старый, уютный маленький мир с его сияющим небосводом так близко раскинутым над землей, вдруг вырос, стал огромной, неизмеримой бездной, посреди которой затерялась пылинка — Земля.

Математика — одна из древнейших наук. Только медицина может сравниться с ней. Счет, число — неизменные спутники культуры с незапамятных времен. Древние египтяне четыре тысячи лет назад умели решать трудные задачи о площади трапеции, об объеме пирамиды и т. п. В это же время в Вавилоне жрецы-звездочеты измеряли путь многих небесных светил с его сияющим небосводом, они проводили расчеты на сложные проценты. Вавилонцы создали сохранившийся до наших дней систему счета, в основе которой лежат дюжина, и разделили круг на 360 частей. Деление суток на 24 часа по 60 минут каждый до сих пор служит напоминанием о вавилонской математической системе.

Позже великими математиками были греки. Имена Архимеда, Пифагора, Эвклида и других греческих ученых известны каждому школьнику. Больше всех других наук математика способствовала единению религиозных суеверий. Поэтому в средние века математика подвергалась преследованиям.

«Современно» воспринимается достойное искусство осуждения искусств математик... — громко заявлял византийский император Юстиниан (527—565 г.) в своем кодексе законов. Статья, в которую было введено это постановление, носила выразительное заглавие: «О математике и прочих злодеех». Через тысячу лет после Юстиниана католический священник Каччини проповедовал в церквях, что геометрия — дьявольское искусство и что математиком нужно изгнать из всех христианских государств.

Одни извистель несколько лет назад написал фантастический рассказ о том, что на Земле однажды вдруг исчезли все деревья и все, сделанное из дерева. Произошла страшная катастрофа. От большинства домов остались одни только печи, в остальных — исчезли междудверные перегородки, провалились крыши. Перестали существовать молотки, все телеграфные провода упали на землю, и все карандаши рассыпались в труху. Мало того: зеленые деревья перестали восстанавливать разноснее газом в воздухе, и на Земле началось кислородный голод.

Примерно такая же ужасная картина получится, если «вынуть» из нашей жизни всю залежиленную в ней математику.

Острые любят подшучивать над математиком: дескать, от Земли до звезд расстояние измерил, а у себя перед глазами не замечает тарелки с кашей. В ответ на эту шутку математик возмает острера за руку и пойдет по белу свету показывать свое хозяйство.

— Вот... скажет кто... железнодорожный мост — кружево его стальных балок и раскосов склепано надежными математическими формулами теории сопротивления материалов.

Вот электростанция; по проводам летит поток электронов — они бесконечно малы и видны только через математические очки.

Вот радиоприемник — попробуй построить такой поощий ящик, не зная математики.

Стальные громады кораблей плывут по океанам — не математические ли формулы поддерживают их в равновесии на кипящих волнах?

И впоследствии сваят в казино, в школу из синтетического каучука, для создания которого химикам и технологиям тоже пришлось решать немало математических уравнений.

Еще точные науки, вся современная техника построены на прочном фундаменте их «абстрактных» положений математики. В иных случаях достаточно простого арифметического подсчета, в других — задача решается методами интегрального и дифференциального исчисления, но основа расчета неизменна — число и отношения чисел, выражающих реальные явления нашего мира.

Среди бесчисленных практических приложений математики одно из самых интересных — расчеты артиллерийской стрельбы. Они дают возможность стрелять с большой точностью, на огромные расстояния и, главное, по невидимым целям.

В артиллерии необходимо пользоваться очень сложными вычислениями, но они так рационализированы, что занимают у стреляющего лишь секунды.

Еще не так давно, несколько десятков лет назад, дуло ружья направлялось прямо из цель. Считалось, что пуля летит по прямой линии. Сейчас таким образом стреляют лишь при атаке, в несприятель, находящегося на близком расстоянии.

Считать траекторно пули или артиллерийского снаряда привольной можно лишь в том случае, когда дальность полета очень невелика. Бросьте камень под углом к горизонту — при отсутствии других сил камень по закону инерции вечно двигался бы прямолинейно и равномерно. Однако на него действует сила земного притяжения (не считая сопротивления воздуха), она смещает траекторию его искривляется, образуя так называемую параболу.

Всякий снаряд, выпущенный из ружья или из пушки, летит по параболе. Дальность полета снаряда зависит от многих причин: начальной скорости (скорости в момент вылета из дула), угла, под которым орудие направлено к линии горизонта (углу возвышения), сопротивлению воздуха, высоте местности над уровнем моря и т. д.

Для каждого типа орудия заранее вычисляется дальность полета его снаряда в зависимости от угла возвышения и составляются так называемые таблицы стрельбы. Таблицы эти рассчитаны на «средние» условия — температуру в 15°С и давление 750 миллиметров ртутного столба. Но обстановку вносит в расчеты большие изменения. В морозный, зимний день снаряд дальнейшего орудия пролетит на 1—2 километра меньше чем тот же самый снаряд, выпущенный в

жаркую, летнюю пору; холодный воздух плотнее теплого и оказывает значительно большее сопротивление. «Таблицы стрельбы» дают соответствующие поправки, и артиллеристы при стрельбе всегда учитывают температуру воздуха, скорость и направление ветра (ветер — попутный, боковой или встречный — также оказывает большое влияние на полет снаряда).

Если орудие отклонено вправо или влево от истинного направления, то снаряд пролетит ниже цели, уклонится в сторону; если не ввет наддувания угло, возвышения, снаряд упадет ближе или дальше.

Артиллеристу на суче приходится решать массу математических вопросов, связанных с полетом стрельбы. А что же сказать об артиллерии на море, которая с движущейся точки должна поражать движущуюся цель, причем движение корабля не ограничивается поступательным (вперед, назад), а к нему еще добавляется качка! Работа артиллериста на море много сложнее работы на суше, и ему приходится решать еще больше математических задач.

Метание бомб с самолета — также весьма сложная математическая задача. Бомба должна быть сброшена с самолета прежде, чем он окажется над целью; иада, она долго остается под самолетом (если он продолжает лететь по прямой и с прежней скоростью), точно привязанная к нему невидимой нитью; это объясняется тем, что бомба до инерции сохраняет скорость и направление самолета, с которого была сброшена. Вот почему особенно разрушительны бомбы, выброшенные с пикирующих бомбардировщиков (в момент пикирования самолет имеет огромную скорость). Сбрасывая бомбу, надо учитывать также и высоту самолета над землей.

Работа артиллеристов чрезвычайно интересна, увлекательна. Она требует инициативы, быстрого соображения и в то же время весьма мало упитывает также и высоту самолета над землей.

Некоторые ученые отрицают, что основные положения математики соответствуют реальности. Даже знаменитый Эйнштейн — творец теории относительности — пишет в книге «Геометрия и физика»:

«Положения математики покоятся не на действительных объектах, а исключительно на объектах нашего воображения». И далее: «Положкие положения математики относятся к действительности, постольку они неверны и они верны лишь постольку, постольку они не относятся к действительности».

Это — так называемое формальное течение в математике, которое рассматривает основные объекты математики как вещи (символы) A, B, C, \dots , лишенные всякого значения; операция над символами A, B, C, \dots производится

на основании определенных положений, которые должны быть логически совместными, то есть выводимые из их теорем не должны быть противоречивы. Формалисты видят достоверность математики только в том, что ее основные законы независимо от их действительного содержания представляют логически стройную систему.

Формалисты — это представители философского идеализма в математике. Диалектический материализм совершенно опровергает ложные теории формалистов. Ленин говорил: «Человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютно истинную картину, которая складывается из суммы относительных истин».

Наши представления о прямой линии, плоскости, о сумме двух чисел и т. п. соответствуют существующим в природе реальности, хотя, быть может, отражают их не истинно. Но здесь приходится только говорить о дальнейшем усовершенствовании науки, которая еще более приближит нас к действительному пониманию вещей.

Элементы траектории.

Основные математические положения и теоремы, конечно, не должны доводиться до крайности друг другу, но они также не должны противоречить друг другу. Если же действительно существует нечто, иначе они будут праздною игрой ума, фокусничеством, не представляющим никакой ценности.

Однако есть разделы математики, которые дескать и сотни лет не находили своего практического применения.

Любопытна история мнимых чисел. Мнимой единицей i называется -1 . Мы не можем реально представить себе мнимые числа, воображать количество и каких-нибудь вещей, и поэтому мнимые числа долго не входили в алгебраический обиход; математики отнеслись к ним ослепно, не решались даже признать их числами. Мнимые, нестоящие, какая-то подделка под числа, — таков был взгляд на мнимые числа.

Знаменитый Лейбниц — один из основоположников высшей математики — считал, что мнимые числа являются «та же игра между бытием и небытием». Мнимые корни уравнений долгое время считались невозможными. В начале XIX века математик Коши создал учение о мнимых числах. Мнимые корни вошли в течение того столетия оно казалось совершенно ненужным, не имеющим и не могущим иметь никаких практических применений. Его рассматривали как праздную игру ума математиков.

Но прошло столетие, и русские математики члалыня Я. Жуковский привнесли теорию функций мнимого переменного к точному расчету формы крыльев аэроплана. В настоящее время эта теория имеет громадное значение в аэродинамике и гидродинамике. Сложнейшие расчеты при проектировании кораблей и аэропланов выполняются при помощи мнимых чисел, результаты же получаются совершенно реальными. Это гордые лирические и крепыя, зашифрованные советские березы, это решенные эскадрильи самолетов, резюче в советские небеса.

Теория конических сечений (круг, эллипс, парабола, гипербола) была создана греками больше двух тысяч лет назад. А свое применение она нашла только в XVII веке, когда

Египетский математический папирус.

Кеплер, пользуясь этой теорией, вывел законы движения небесных тел.

Некоторые математические науки только теперь начинают применяться к вопросам практики.

Таковы топология, теория чисел и некоторые другие отрасли высшей математики.

Теория чисел — наука древняя, ее проблемы ставились и решались греками за две с половиной тысячи лет до нашего времени. Эта наука изучает свойства целых чисел. Многие ее положения вошли в элементарную арифметику: понятие о простых и составных числах, разложение чисел на множители, признаки делимости и т. д. Вместе с тем эта наука поставила ряд задач, которые до сих пор не разрешены или разрешены совсем недавно.

Вот известная задача, поставленная членом Петербургской академии наук Христианом Гольдбахом почти двести лет назад: «Является ли четное число можно разбить на три простых слагаемых; например: $15 = 3 + 5 + 7$; $125 = 7 + 11 + 107$, или $125 = 5 + 11 + 109$, или $125 = 11 + 17 + 97$ и т. д.

Огромное количество проб показало, что нет ни одного простого числа, которое нельзя было бы разложить на три простые слагаемые; но общего теоретического решения задачи найти не удавалось. Поэтому проблему Гольдбаха можно было опускать и предпологать, что найдется такое число, которое будет противоречить догадке Гольдбаха.

Лишь в наши дни лауреат стalinской премии академик И. М. Виноградов доказал теоретически, что положение Гольдбаха верно; но для этого потребовались очень тонкие и глубокие соображения, способы, созданные почти исключительно самим И. М. Виноградовым.

Из проблемы Гольдбаха вытекает проблема Эйлера (современник Гольдбаха, также член Петербургской академии наук, знаменитый математик): «Работает ли всякое четное число на два простых слагаемых ($24 = 11 + 13$; $68 = 7 + 61$; $68 = 31 + 37$ и т. п.).

Эта задача несмотря на свою кажущуюся простоту и связь с проблемой Гольдбаха еще не получила разрешения.

Топология — наука очень молодая, созданная в последние десятилетия. Она изучает наиболее глубокие геометрические свойства, не зависящие от размеров, формы, фигуры, вращения кривых. С точки зрения топологии, эллипс и квадрат ничем не отличаются друг от друга. Топология — чрезвычайно отвлеченная наука.

По ценности и глубине исследований в области топологии советские математики занимают одно из первых мест в мировой науке. Особенно выдаются работы лауреата стalinской премии Л. С. Понтрягина, П. Г. Александрова и других.

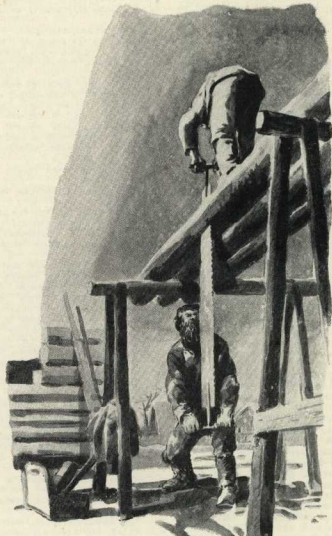
Топология, теория чисел и другие отделы высшей математики только кажутся абстрактными. Они смыкаются со многими отделами физики, техники. Уже теперь они связываются с некоторыми вопросами кристаллографии, теории вероятностей, а в дальнейшем они, без сомнения, найдут еще более широкое применение.

Маркс и Энгельс считали, что для материалистического понимания природы требуется серьезное знакомство с математикой и естественными науками. Маркс настолько основательно знал математику, что даже написал несколько серьезных самостоятельных математических работ. Энгельс большую часть своего восьмилетнего пребывания в Лондоне потратил на изучение математики и естественных наук. В «Диалектике природы» собрано множество ценнейших высказываний о математике, математик, астрономии, механике, физике. В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин разбил ложные «материалистические теории идеалистов». Создатель марксистской теории высоко ценили и превосходно знали математику и связанные с ней науки.

Вот великий пример для каждого, кто хочет научиться считать, творить практической, кто хочет глубоко познать мир и принять участие в грандиозной перестройке природы, предпринятой человечеством!

Андрей ПЛАГОНОВ

Рисунки Г. Балагурова

...и они водвояк начали пилить бревно.

ВЕЛИКИЙ ЧЕЛОВЕК

РАССКАЗ

ПОЛЮ опустела, стало скучно и хорошо в деревне: земля устало сказала за лето рожать, а люди умирисли работать. Земля делала худа, она засыпала до будущей весны; солонца смеркало над деревней, и поля уходили в сумерки осени, в темлоту зимы. Но люди отдыхали скоро; они ушли из деревни в дальние города: один азад топор и аилу и пошел пилить начал по постройке, другой отпирисал с пугасти руками, но он там найдет себе занятие: может быть, земло будет копать, может быть, станет подручным слесаря — дел тереть много на свет, что-нибудь и ему достанется; иные же, более молодые и поровнятые, отпирисались учиться: кто хотел быть летчиком, кто — моряком, кто — писателем, кто — артистом, кто думал о музыкальной части. И все они ушли, и каждый из них найдет, конечно, себе судьбу, которую пожелает.

И когда все эти люди ушли, то в деревне Минушкино, или в колхозе имени 8 марта, остались только женщины, дети да старики. Кроме них в Минушкино порохились зямятов еще два человека: бригадир колхоза дворца колхозной конюхи Василий Ефремович Анцыпов и попросток Григорий Хромов, семнадцатилетний, что жил с матерью-одиночкой, сын давно умершего крестьянина, знавшего плотные дела.

Как только все главные работящие крестья-

не оставили деревню, и колхоз опирисал без них до нового тепла, так Анцыпов Василий Ефремович обнищали и воопе перестал работать, потому что он почувствовал теперь себя самым главным, самым сознательным и единственным мужиком во всей деревне.

Однако, хотя Василий Ефремович муштвовал себя гордо и важно, ему было скучно существовать одному, непрерывно сознавая свое положение выше всех. Даже выпить вина ему не с кем стало теперь, и он пил его в конюшне, в компании лошадей.

Отведая вина, Василий Ефремович начал бродить из избы в избы, по всем знакомым, и говорил людям, что он пришел к ним прощаться, так как ныне же он уходит из деревни навеки во всю вселенную.

— А чего ж, ступай, твоя воля, — говорили ему старики. — Нам ты в колхозе неужели, можешь, там во вселенной будешь как рад!

Василий Ефремович выходил из очередной избы и шумел встречному человеку:

— Я во вселенную пошел.

— А где она — спрашивал его встречный прохожий старик, поспешая в кооператив за постным маслом.

— Там, — говорил Василий Ефремович, указывая на весь серый свет вселенной.

А вокруг была тишина осени, тишина земли,

отработаемся за лето, покой мира, рождающего и кормящего всех людей! Листва на мелком лесе, растущем у околицы деревня, уже вся опала, и она теперь не застила чисто-го сумрачного неба и не выхватывает поношью поношено и призывающего ветра и не вернувшись.

— Вперед, во всю вселенную! — восклицал Василий Ефремович и шел дождю, чтобы собраться в вечный путь.

Дома его ждала жена. Сначала она слушала Василия Ефремовича и собирала ему все пожитки во вселенную, а затем развела, раздала его и укладывала спать спозапно. Но Василий Ефремович засыпал, давал себе небольшую отсрочку, чтобы затем, в спорохвате же, направиться во вселенную, но, проснувшись, он думал и говорил себе:

— Я подсел, и это правильно и главное точно: я подсел! — и уходил снова к лошадам пить вино и беседовать с ними.

Однако Василий Ефремович был, как влядо, умом. И по уму своему он решил однажды не идти домой, а прямо направиться во вселенную с конного двора. Он попортился а лошадью, подползал ей, сказал ей, что он окончательные речи и прощания, и он попространству, в тихое русское поле, где все цветы и растения уже отжили свои летний солнечный век.

«А мой век еще идет, он остался пожелать, отогнать» — сказал ему обеспокоенно размышлял Василий Ефремович, уходя в сумный, развещеренный свет поздней осени.

Спусти немного времени Василий Ефремович утомился и лег для отдыха у плетня усадьбы колхозника Паршиной, за этим плетнем уже начинался чудное место всего мира, открытое до самого неба и уходящее в даль. Туда и решил направиться Василий Ефремович; теперь ему уже до всего было близко, и он подумал, что можно и уснуть. «Отдохну и тронусь» — сказал Василий Ефремович свое мысленное заключение и уснул.

Проходя вечером мимо спящего пожелтого человека, который мол протестом за ночь скончался в одиночестве, Григорий Хромов разбудил Василия Ефремовича, но тот не пожелал идти ко двору, наоборот, велел Хромому идти и заниматься полезным делом, помыслив тут его слова беспомощно. Тогда Хромов натужился и поднял Василия Ефремовича к себе на руки, как мог. Василий Ефремович на вес был нетяжелый, он лишь казался тяжелью от большой бороды и шумного характера.

— Пойдём, — сказал Хромов, — а то ты, знаешь что, протудился и умрешь, ночь такая длинная, и будешь потом на том свете, как старухи обещают.

— На том свете! — обрадовался Василий Ефремович незанятому месту. — Неси меня туда!

Но Григорий приволок его домой, к жене, и там уже сама велела жить Василию Ефремовичу здесь, а не во вселенной и не на том свете.

На другое утро Василий Ефремович заинтересовался Григорием Хромовым — он еще интересовался, что и относилось к его обязанности коноха — и отсылая молодого колхозника, когда Хромов пошел, обещавшимся в срубе колхозного колодца.

— Ты это что же! — сказал коноха. — Ты что же никуда не ушел до весны, как прочие умные?

Григорий перестал тесать дерево и поудам! Осенний чистый день стоял над ирригами избами колхоза, над умоклыми отсымаши перелеском и над розлыми полями, отдаленно вступая слышу людей и теперь дремлющим в покое. Снега еще не было, и холода не пришли; с утра до вечера было было сумеречным, из этого краткого света было достаточно для жизни и работы.

В кузнечном сарае горел огонь в горне, там работал старик-кузнец с подручной девушкой, справляя весь железный инвентарь, эпохионенный за лето, к будущему севу. Несестка кузница, не окладывая зимнего пути, без спеша повезла на телеге навоз на колхозный огород. Копь «Отсталый» поглядывал в сторону Василия Ефремовича и поев телегу с навозом дальше. Сесточка Гурья шла с большой светлой китой в общественной ямбар, снятая в уме, что кому положено поучить, что кто переполучил, а что кто недополучил и какие фонды

уже засыпаны, а какие неготови или неприправлены назначены.

— Я привык жить в колхозе и по матери боюсь соскучиться, — пронырел Хромов в ответ Василию Ефремовичу и застеснялся чего-то.

Конюх осудил подростка: — Соскучиться боишься! Так скажу же тебе, госка и проща — это упалошечество! Ты против закона, значит, ага, твоя фигура нам понятна!

— Нет, дядя Вася, у меня мать хоррая... Боюсь я, уйдя, а она померет одна без меня.

— Врешь! Кругом колхоз, свои люди, не дали б ей помереть! А так что же получаешь? Нам великие люди нужны, а ты мелкий хочешь прожить, чтобы и могилы твоей никто не нашёл! Как тебя называть, с стороне от сватки, что ль?

Хромов опять начал тесать бревнышко для колодезного веша:

— Я, дядя Вася, великим человеком не буду, я умию...

— Врешь, — отвернул эти слова коноха. — Ты сколько классов кончил?

— Семилетку в Шаталовке, — сказал Хромов. — Все семь классов кончил прошлой весной.

— Ну вот! Тебе самый раз теперь учиться винно, чтоб познать все тонкие тайны и совершить подвиг во вселенной! Сколько наших ребят все уехали. Теперь, гляди, пройдет год, полтора, два, а они будут каждый на великом деле, на глазах всего человечества: кто летчик, кто артист, кто по науке, кто по земщине вылез части! А ты кто будешь? Замерь здесь, как черенок в плетне! Кто про тебе сказку расскажет, либо песню над гробом сплетет?

— Никто, — сказал Хромов. — Мне не надо сказки.

— Не надо? А это опись твое упалошечество в тебе говорит... Ты великий наших ребят: возьми хоть Гараську, хоть Минку, да того же и Панку можно! Сколько они старшие тебе? Да чуть-чуть, а гляди, в каких выспых училищах учатся: вот-вот и величайшие люди выйдут!

Григорий Хромов молчал и работал топором.

Василий Ефремович соскучился с ним и отшел от него.

— Не хочешь, значит, использовать всех прав своих, так живи незаметным, — сказала на прощанье сердитый коноха.

Хромов поглядывал ему во след: — А ты сам-то чего, дядя Вася, не пощипаешь от нас никуда?

Василий Ефремович становился: — Как у меня же фантазия есть, дурак человек! Где меня нету, там и легко представлю, что там я есть! Я же могу, только не хожу пока что... Пусть все вымислят и утратят на свете, тогда я и награжу лично. А ты что?

— Я в колхозе состою, — ответил Хромов. — Я за себя и за мать работаю.

— Только что!

— И для всех работаю, — робко добавил Хромов.

— Постарайся! — засмеялся Василий Ефремович. — Какая твоя работа? Ты от этой работы только сам с матерью коришься. А для народа ты никто — народ тебя с роду не почитуется, был ты или нет.

Хромому стало грустно; он отгадал поочуствие деревню: в ней жил его народ, но уезжал Хромов неужен здесь никому: знает он или умирает, а тот, кто играет на музыках где-то недалеко или управляет машинными, тот народу нужнее и дороже его?

Григорий не знал, как правильно надо думать об этом, и он начал достраивать колодезный сруб.

К вечеру он закончил работу, собрал инструмент и поспешил к матери. Мать Григорий, хотя и была слабей от возраста и диланной болели, но днем никогда не прикладывалась к постели для отдыха, а с утра до ночи работала то по колодезному делу, то по домашней нужде. Когда сани жалась свою мать впроцессе ее приемно отдохну, она иногда и хотела и отказывалась:

— Что ты, Гриша! А ночь куда девать? Кто ж сам должен хлебом кормить, и в ослепля ослепля, и в ксершим отытеть! Да каждую душу njih сколько добра всякого нужно, чтобы она жила, а добро-то ведь сработай надобно... Если б днем ложиться, да ночью спать, да поутру вставать, да бы разный кто, а каждый бы так — весь народ с недостатком ослабел бы и помер...

— Да ведь ты больная, мамин! Тебе можно отдохнуть больше.

— Я больна, да терпеливая и к жизни привычная. И что ж тебе больше! Все равно тебе и безабо, и ужино, и одежку на себя трати, и мало ль чего... Чем мне в мыслях спать, когда я бы только от людей брала, а им ничего не давала!

В июле-августе осень Хромона-мать ходила председателем колхоза, как знающая старая престыльная. Она было хотела оторваться от такой чести и обязанности, но колхоз не упустил ее просить.

— Ты, мать, Мавра Григорьевна, вот и хорира женщина, — сказала ей старуха, — тебе бы пора облететь, позволить, да кто же тебе удержит, когда ты сама себе покою не хочешь дать! Ты, гляди, на всякую черную работу с охотой берешься, откуда и мушкетировать уйдя. Ну, женой — ты к навозу лезешь, нужно картошку перебрать — ты самой палью дышишь. Аль мы не знаем тебя! Душа в тебе есть, голова хоть и была, да не дурна, колхоза — она не слитком хлипкая да велика, а можно сказать — малю. Чего тебе! Живи полной жизнью...

И с недвигной поры Мавра Григорьевна стала жить полной заботой о всем колхозе. Разные, когда Мавра Григорьевна не колхоза еще в председатели, она только вздыхала, когда видела беспорядки в общем деревенском хозяйстве, но предочую их не могла. Теперь она вздыхать перестала, потому что не о чем было горевать, когда владык была в ее руках, и стало можно превозмочь всякий ущерб или недостаток и высоко бесстыжие злодейство в хозяйство. Если даже и нельзя сразу все сделать по-доброму, то легче знать, что вина за

Григорий усадил всех детей на роспушки и подвез их до Шаталовки.

несолен был труд, начатый им. Одному было несладко и хлесты вонять из леса, и дивить их, и готовить, и класть в вены. А затем нужно еще из кирпича сделать стеновые блоки, связать рамы, с'ехать в район за гвоздями и стеклом и о прочем позаботиться. Но Григорий знает, что помочь ему никому, и с терпением выжидает своей возможности труд. «Птерникуму», — думал он, — жалеть себя буду, что скоро построю, тогда зарпуду яичку сыпать, пруд нам нужен: рыба — хорошая пища». Особо было неподошло было укладывать стеновые бревна, однако, помучавшись, Григорий утерпел приспособление из веревки и деревянного блока, и ему стало чуть-чуть легче.

Кочев Васькой Ефремович неважно из колхоза. Думали, что несорваторно, но недели через две он возвратился столь же неприкалывый, что и прежде. За это время Григорий пришлось в работе участвовать столько ужасно также и за дашковом, потому что их никому было поручить, поэтому Григорий больше всех обрадовался возвращению Васьки Ефремовича.

Кочев первым делом вылез к Григорию на построю.

— Нуый мир, что ль, строишь опять? — заинтересовался Васькой Ефремович.

— Нет, избу для школы, — сказал Григорий.

— Ой, — выказался Васькой Ефремович. — В этой школе никакой карьеры все равно не получится.

Григорий промолчал: ему несласо было, он в это время хотел испытать, как он будет разделять бревна на доски в одиночку; доска ему нужна была на подмость. Он влез на высокие кочевы, на которых лежало бревно, и направил в бревно продольную яму; поднять надо было отсюда, вверх и вниз, но яму задала в деревенском отделе она встала и не шла в работу. Григорий спрыгнул на землю и пошел в огар, а Васькой Ефремович стоял в стороне и смотрел, что дальнее будет. Григорий привнес из окошка самородный камень пуда в два весом, затем обвязал его веревками и подвесил к ивняной рукоятке пилы. Работа далае пошла правильно, но тяжело. Григорий работал в одной рубашке и без шапки, но ему было тепло в работе, и пар шел от его рта и лица.

— Это сурьяно, — проиас Васькой Ефремович в размышлении. — Он и без тебя управлется.

Он снял с себя полушубок, бросил его на бревно и подошел под козлы, где козлами была. Уловив момент, Васькой Ефремович приосновал яму, силл тяжелой камень с нее и свернул его на землю.

— Ты что там? — спросил его сверху Григорий.

— Обожди! — приказал Васькой Ефремович. — Дай я возьмусь с тобой.

Григорий обождал работать и промолвил: К чему тебе братья дядя Васькой? Я один приворююсь и стержу...

— Как так, к чему? — оскотил Васькой Ефремович. — А я что так, сержу, а значит, по-тому?

— Нет, — ответил Григорий, — кака ты скотина — скотина такая не бывает... Я про школу тебе говорю, зачем тебе братья за тебе: школа тебе нужна?

— Верно, — согласился дядя Васькой. — Ни к чему. А я не из-за того, я не ради школы и не из прегое. Я радя тебе: ты для меня теперь вроде осмидеи всей колхозной представлялся, от тебе мне внутри хорошо стало! Но только непонятно, почему я не вижу...

— Дерки вижу кречет! — крикнул Григорий сверху.

И они вдвоем начали подить бревно по асю дашку, дыша в два сердца в лад работе.

Рис. 1.

Боевой устав пехоты Красной Армии учит, что в наступлении дашков бое должен упорно продвигаться вперед. Это необходимо для того, чтобы как можно скорее сблизиться с противником, перейти в атаку и уничтожить его в рукопашном саватке.

«Непрерывное, упорное, организованное продвижение вперед достигается на противника с силой и с частотой в дашках расстояний», — так говорится в уставе.

Но как же передвигаются на поле боя? Бежать вперед незачем на стрельбу или, как говорят, кастись ксама голову ильды. Это приводит к напрасным потерям, а иногда и к невыполнению поставленной задачи. Народный комиссар обороны Трой и маршал Советского Союза, товарищ Тимошенко учат, что если наступление не будет звать, куда и как передвигаться, они, сорвавшись с места, неизбежно будут нарушать организованность и движение, а противнику этого только и надо.

«Средством рубяка и способа передвижения составляет одну из основ тактического искусства — создание вынужденной комиссии обороны на осенних учениях, говоря о наступательных действиях одного из подразделений.

ПЕРЕБЕЖИ

Бойцу указан рубяк, которого он должен достигнуть. Местность открыта. К тому же она обстреливается редким огнем. Пробежать сразу все расстояние до назначенного рубяка почти невозможно: противник заметит наступающего и поразит его.

Как быть?

В этом случае боец должен преодолеть открытый участок короткими перебежками от одного укрытия к другому. Бежать надо полуогнувшись, как указано на рис. 1. Прежде чем начать перебежку, надо наметить наиболее удобный путь для движения и спланировать укрытия, за которые можно будет спрятаться от нуля противника во время перебежки.

Всякая перебежка вблизи противника должна продолжаться не более 3—5 секунд. За это время враг не успеет произвести прицельный выстрел, или, как говорят, «взять на мушкету; перебежавший же боец сделает от 15 до 40 шагов в сторону противника.

Подниматься с земли для броска вперед надо стремительно. Достигнув назначенного укрытия, боец падает набок и отползает в сторону на 3—4 метра. Только после этого можно открывать огонь или вновь вскакивать и продолжать движение. Если боец, спрыгнув с укрытия, попытается наступить с этого же места, не отползая в сторону, он рискует быть подстреленным: противник запомнит место, где скрылся боец, перебежки, и постарается подарулить его, когда тот будет вскакивать.

Иногда враг просто обстреливает то место, где только что скрылся наступающий. Поэтому рекомендуется задерживаться на одном месте.

ПЕРЕПОЛЗЕНИЕ

Бывает и так. Огонь противника настолько силен, что перебегать нельзя. Но двигаться вперед надо, чтобы не потерять время, которое в бою расценивают секундами. Потеря времени грозит невыполнением приказа, что недопустимо ни в каких условиях.

Боец в наступлении

Как наступать в такой обстановке? Об этом красноречиво рассказывают многочисленные примеры из боевого опыта.

Во время боев с белофиннами взвод младшего командира Ордина получил задачу — атаковать противника, который был за рекой. Красноармейцы направились к реке. Немного не доходя до берега, они попали под сильный огонь.

— Ложись! — приказал тов. Ордан.

— Бойцы упали в снег. Пули свистели над их головами, не задевая их. Командир увидел, что находишься вперед небольшие бугры чуть-чуть укрывают от нуля.

— Ползком, за мной! — командовал он. Красноармейцы поползли вперед, разрывая в снегу кашаны. На пути встретилось проволочное ограждение, наступление перерезало и оно продолжало движение.

Так, ползком, достигли они самого берега — рубяка назначенный для броска в атаку. Когда часть отбегов точек противника была подавлена, красноармейцы решительно и успешно атаковали врага.

Перебегают двумя способами: по-пластунски и на полуцетверныхках. Первый способ применяется на такой местности, где слишком низкорослая растительность, где, чтобы стать незаметным, надо долго прятаться к земле.

Перед началом движения боец ложится на землю и не поднимает головы. Правой рукой он держит винтовку за ремешок у самого пенья, винтовка лежит на наружной части кисти и продвигается. Движение начинают так: одну ногу сгибают в колене, разворачивая ее в сторону, одновременно вытывают вперед руку, противнику ложится ко согнутой ноге. Затем, упираясь носком согнутой ноги в землю, передвигают тело вперед. Ладонью винтовки руки опираются на землю и тем самым облегчают передвижение тела, не отрывая его от земли.

Таким же образом повторяют при другой ногой и рукой. Способ переползания по-пластунски показан на рис. 2.

Рис. 2.

На полуцетверныхках перебегают по такой местности, где нет необходимости прятаться к земле виланую, но нет и возможности совершить перебежку. Способ передвижения на полуцетверныхках показан на рис. 3.

На рис. 4 показана малая лопата. Лопата — первый помощник пехотинца в бою. Кстати сказать, осыпаться, т. е. подготовить ивчю, чтобы стрелять лежа, должен уметь боец любого рода войск. Необходимость этого доказана практикой всех передовых боев.

Рис. 3.

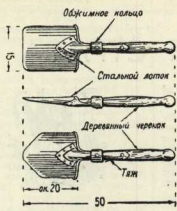

Рис. 4.

ЛОПАТА

Во время сражений в Испании республиканцы наступали на позиции противника. Боицы одного из отделений по инициативе своего опытного командира запаслись простыми крестьянскими лопатами. Товарищи из других отделений поспешивали над ними: это было еще в начале войны. Но как только наступавшие попали на открытом месте под силь-

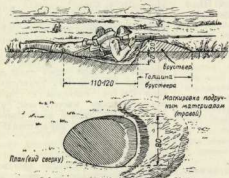

Рис. 5.

ный огонь вражеских пулеметчиков и стрелков, стало ясно, насколько необходим этот род оружия.

Отделение, имевшее при себе лопаты, немедленно окопалось и продолжал бой. После сражения у них оказались только один раненый. А в соседнем, неокрепавшемся отделении вышло из строя пять человек.

Боевой устав пехоты Красной Армии учит, что «когда отделение оставлено на достигнутом рубеже для стрельбы, боец должен замаскироваться, чтобы стать незаметным для противника, и, если нет укрытия от огня, окопаться, не ожидая указания». Окопаться необходимо также при малейшей угрозе под воздействием вражеского огня.

Как окопаться в этом случае?

Наступающий роец в земле ячейку для стрельбы лежа. Ячейка же хорошо защищает от наблюдения противника, от пуля, осколков снарядов и мина. Одновременно она позволяет вести меткий огонь. Ее бруствер является упором для винтовки.

Стрельковому ячейку роец сразу же после перебежки там, где местность открытая, а противник ведет огонь, с помощью малой лопаты боком вырыть и замаскировать ячейку под огнем в течение 7—12 минут.

На рис. 5 показана стрелковая ячейка для ведения огня лежа.

РАВНЕНИЕ ПО ПЕРЕДНИМ

В наступлении надо стремиться не отстать от своего отделения. Боец должен все время равняться по передним, строго выдерживая направление, указанное ему командиром.

Равнение по передним, стремление быть самым вперед — важнейшее правило боевых действий воина Красной Армии. Это правило, как и все другие, основано на многолетнем опыте войны.

Вот что говорит по этому поводу основное руководство красноармейца и командира — Боевой устав пехоты:

«Равнение — только по передним. Успешное продвижение вперед хотя бы только одного бойца должно быть не только для себя, но и для других бойцов и отделения в целом.

Равняться по передним или быть самому вперед — это не означает, что надо бежать вперед без учета местности или огня противника. Наступление наобум выгодно только врагу. Важнейшее требование устава — «Равнение по передним» — может выполняться только боец, который хорошо умеет замаскироваться, совершать перебежки, переползать и окопаться.

Наступающий должен использовать все возможности для непрерывного движения вперед. Ослаб ли огонь противника, услышал ли онный свое отделение, обнаружил ли где-либо слабый участок в обороне противника — все это надо немедленно использовать для броска вперед. В такое мгновение боец должен дей-

ствовать, невзирая ни на какую опасность, действовать стремительно, смело, не оглядываясь назад, не ожидая сигнала, для успеха будет поддержка всем отделением, взводом, а если потребуется, то и ротой, батальоном, полком.

АТАКА

...Рота красноармейцев приблизилась к противнику загродеженно и окопалась. Здесь она накопалась на рубеже для броска в атаку. Несколько человек пошло вперед раньше остальных. Это было необходимо, чтобы сделать проход.

— Подготовиться к атаке! — прозвучал голос командира роты.

Дозарядив оружие, оставив запалы в ручные гранаты, бойцы дали сигнал для решительного броска вперед. Такой сигнал тоже был подаен, но не командиром роты, а рядовым бойцом Сотовым. Случилось это так.

Сбитов и его товарищи Петренко, Маринюк, Шевчук и Папкотов резали проволоку. Сделав проход, они заметили, что враги выскрывают из окопов и пытаются отступить.

— В атаку, вперед, за мной! — крикнул Сбитов и побежал к окопам противника.

За ним устремились сначала те бойцы, которые находились рядом, а потом вся рота.

Атака — наиболее ответственный и напряженный момент наступательного боя. Здесь боец действует исключительно смело и решительно. Дозарядив оружие, подготовив гранату к метанию, он бросается вперед на врага.

Атаку начинают не только по приказу (сигналу, команде) командира, но и по инициативе отдельного бойца. В атаку бросается передовый тот, кто в условиях наиболее удачный момент для этого.

Подбегая к противнику на 35—40 метров, боец вынимает из сумки гранату и метает ее в окопы противника (см. рис. 6). Этим он частично уничтожает и ослабляет врага, уменьшая его способность сопротивляться. Затем наступающий врывается на вражеское положение и уничтожает противника гранатами, стрельбой в упор, штыком и прикладом.

Батальонный комиссар
Л. ВАСКОКОСТРОВСКИЙ.

Рис. 6.

КАК ЖИВУТ СЛОВА

ВОКЗАЛ

В петербургских газетах 30-х и 40-х годов прошлого века много было затронуто тема сообщения: «Вчера на вокзале в Павловске состоялся концерт известного дирижера таково-то». Вы обратили внимание на то, что концерт состоялся на вокзале? Не правда ли, странное место для концерта? Занято своим делом стационарные слушатели, обозначенные пассажиры вряд ли располагаются внимательно слушать музыку. Тем не менее сообщение это правдиво — концерт состоялся именно на вокзале.

История слова «вокзал» весьма интересна.

Подальше от Лондона существовало маленькое расхо-

женное на берегу Темзы по местные Воксуолд, которое теперь стало частью города. Здесь в 18-м веке открылся исключительно замечательный, где устраивались театральные представления, вечерние гулянья и фейерверки. В то время Воксуолд был модным среди лондонской аристократии. Однако в начале 19-го века аристократия оказалась к месту.

В эти годы Воксуолд — модное место прогулок и развлечений местных классов горька, популярность его сильно возросла. Сам по имени лондонского открывателя в Париже и других городах Европы. За ними сохраняется название «воксуолд», оно стало то-

перь нарицательным. Во французском произношении слово «воксуолд» превратилось в вокзал.

В России первый вокзал (или, как позднее стали говорить, вокзал) был открыт в 18-м веке в Москве англичанином Меддоксом. Вскоре появились вокзалы и в Петербурге, вернее, недалеко от него — в Елагинском. Эти успешнейшие заведения знакового отношения к железной дороге не имели. Да и железной дороги тогда не было.

Первая железная дорога появилась в России в 1837 году — дивнаята Царскосельская дорога протяженностью всего в 27 километров. Название ее вышло жаргонное и в обществе. Мракобесы уверяли, что паровоз дымит черной сажей. Конечно, это какое-то утверждение разде-

дали далеко не все, однако новому, незнакому еще виду сообщения было очень выгодно. Сохраняя, например, расстав о том, что бабушка Лермонтова являла с него свое влияние не одеть в Царское село железной дороге. Рассказывают, что поэт, но желая выловить старуху, ехал в Царское село, где стоял его поезд, на лошади.

Чрезвычайно тесную к новому средству сообщения, в Павловске вместе со ставшей железной дороге открылся вокзал. Праздничные шпы и концерты оркестра сделали Павловский вокзал очень популярным. Павловскую железнодорожную станцию стали называть вокзалом, а потом слово «вокзал» стало нарицательным названием стационарного здания.

И. МАХНОВСКИЙ

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ СТРАДА

«Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский». Эти слова были написаны в самом осажденном городе одним из защитников страшного 4-го бастиона — подполковником Львом Толстым.

Великие следы... Да, в истории, в жизни, в памяти русского народа! Но удивительным образом, до селе — не в искусстве, не в литературе художественной. Ведь даже и сам Толстой отговаривал на всякое Севастопольское описание лишь своими севавтопольскими очерками, о которых, чтобы там ни говорили, а нельзя же сказать, что это был отрывок, равносильный своей мощью, широтой и емкостью тем явлениям, которыми был он вызван.

Толстой, как писатель энциклопедий, всю неизмеримую силу своего художественного гения отдал другим великим событиям в судьбах нашей родины, другому направлению.

Наконец, в «Севастопольских рассказах» художественный анализ исторических измышленных братьев Козельцовых заслонил от великого художника реальных, живых Нахимова, Корнилова, Пирогова, легендарного лазутчика Ковшу, первого, народом данную сестру милосердия матросскую сиротку Дану и многих, многих других.

Тем большую радость испытывали от сознания, что наконец-то столь долго знаящая в нашей художественной литературе брешь заполнена повестием и к и л о н и с е с о о р у ж е н и е м, которое является трагедиями эпопеи Сергеева-Ценского «Севастопольская страда».

«Эпопея». Так назвал своею книгу сам автор, несомненно, отпра-

вляясь от вышеразнесенных слов Толстого. Не мним. Заранее надо отказаться от оценки этого произведения как всеобщего исторического романа. Композиция вещи не построила бы, если бы «выпуть» из нее всю «семеновую» цепь событий (семство Зарубиных, Хлоповичиха и т. д.). Совместно очевидно, что у автора даже и намерения не было изображать эпоху в судьбе двух-трех семейств черепашь, заслонять предметом вокруг них исторический факт. Но тем не менее и пылкий, рвущийся на бастионы Вята Зарубин, и его отец, старый, иррациональный, парализованный моряк, в котором не угасает лишь его патриотизм, повествование его величаво да ненавязчиво к врану и Кавитиону Петрова с ее вечно «французской» — все оно киваете, яркое, прекрасно испол-

ненные сильной реалистической кистью образы.

Создание «эпопеи Севастополя, которой героем был народ русский», — задача, требующая от писателя и особой интеллектуальной мощи и чужеского мастерства. Ее поставил перед собою Сергеев-Ценский. Ее он блестяще разрешил.

Необразимо будущее море людей и событий, больших и малых, охваченных «Севастопольской страдой»!

Корнилов, Нахимов — являясь русскою флотом; Истомин, Глязбен, Хрулев и другие — любимаго народа, матросов и солдат — истинный мост бесприморной обороны, и мог, так сказать, мнимый: расслабленные старосеки Меншиков, Горчаков, ханжа Остен-Сакен и сам, наконец, «академик всероссийский» Николай I — это, по его же собст-

венному определению, «дивизионный генерал, внешне ставший императором».

Стань интервентов. Столь же дутая величина, как его противник, — царь, столь же бесощадно слернувший историей с ходуля императора французского Наполеона III, Главнокомандующий французской армией, адм. Сент-Арно, «кукутатор» Раглан, пылкий Бюссе, командиры голландцев — вузюков, «Ахилл» армии интервентов, — все они впервые перестают быть для нас фигурами со страниц учебников истории и мемуаров и становятся армией.

Искусство исторической живописи, портретной и батальной, — вот что поражает в мастерстве Сергеева-Ценского. Буря и битвы. Их много. Описанием сражений, эпизодов героической защиты наполнены все три тома. Но их не устать читать, каждое из сражений — не только на другом.

И — существенная особенность — оперируя огромными массами сражающихся, автор не теряет от внимания людей, резко отличаясь в этом от Стендаля и от Толстого в описании боюродской битвы.

В движении грандиозного повествования, естественно, возникает перед нами два противостоящих лагеря.

В одном, объединенные пламенной любовью к русскому народу, предстают перед читателем великий хирург Пирогов и матросская сиротка Дану, адмиралы Корнилов, Нахимов и Истомин, генерал Хрулев и с ними плутуны, матросы, солдаты. Легендарный Кошка. Солдат Болыжур, который «французам» — все оно влеву сметь при попытке взорвать

бастион. Солдат Реутович, подползший из груды убитых к полковому знамени, чтобы скрыть его под шинелью. Наконец, бесмертные в своем будущем героизме жены матросов, приносившие студеною воду усталым защитникам бастиона...

А в другом лагере — крепостники, карьеристы, казнокрады, «великосветская чернь». И здесь, наряду с персонажами, о которых в той или иной степени доносила нам история, внимание наше невольно привлекает лицо измышленное, завышено символическое — это старший Хлопович, дядя, лютой крепостник, сутяга, стяжатель. Этот тип мечтает разжиться на войне через свой штурмовик, плавает! Эта символическая фигура написана с таким реалистическим мастерством, что вы слышите, видите этот символ крепостничества и паразитизма!

Следует за автором на протяжении его колоссальной эпопеи, мы то с чувством гордости и подвига, то с проклятиями и отчаянием созерцаем все те девять кругов даятова «Ада», в которых многообразная божьбака и штурмы интервентов обратили маленький южный город, «разлетящий с шумом» и, однако, восточный все военные ресурсы двух сильнейших держав Запада, не считая Турции и Сардинии.

Едва началась осада Севастополя, как великие ее современники Марк и Энгельс, вопреки всем трубкам и литварам английской и французской печати, уверенно предсказали, что «осада Севастополя не будет иметь равных себе в военной истории». И вскоре они получили полную возможность сказать, что «Завтра русская армия отрезвала победителей при Альме».

Вопреки губительному безобразию страны, древнему вооружению, безобразию «севавтопий», вопреки паразитическому крепостному строю и царизму, подавляемому все живое, действенное в стране, народ русский, солдаты и матросы почти целую год отстояли каждую прибрежную землю против могучих соединенных флотов и армий интервентов.

МОИ
ТВОРЧЕСКИЕ
ПЛАНЫ

Героическая оборона Севастополя, принадлежавшая и наиболее ярким страницам в истории русского оружия, вдохновила меня на создание большой трагедийной эпопеи — «Севастопольская страда». Этот замысел и воплотился два с половиной года напряженного творческого труда. Он как бы означает соразвитие моей литературной деятельности.

Совсемно читателя, особенно молодежи, интереси это произведение с горячим интересом. До сих пор и почти ежедневно получаю от них радостно-восхищенные отзывы.

Это последнее время написать о творчестве севавтопольских современников и писателей. Далеко неслучайно, с романом «Севастопольская страда» и «Матросы курган» — побудит в этом году на сцене египетских театров. Шоуфильм будет сниматься, видимо, тоже в этом году.

В большой повести «Сивильский бой», написанной недавно, и называемая разгром турецкого флота русской эскадрой под командованием адмирала Нахимова. Это как бы пролог к «Севастопольской страде».

В ближайшие время и продолжу работу над новым романом «Иррационализм». Основная тема — представление старой России и Ового Советского Социалистического Республика. Первый роман этого цикла — «Адам» — вышел давно, еще при жизни М. Горького, и получила о его отороте весьма высокую оценку.

Мои творческие планы вытекают также из эпопеи эпопеи об исторической войне гитлеровского двадцатого года. Это тему уже разработал и написал знаменитый писатель Лев Николаевич Толстой, но она исторически важна и важна, что мой труд, надеюсь, будет интересна и органична.

Мои многочисленные творческие деятельности отменяются выходящей из печати — ставшей привычкой. Ни приносилась великой благодарностью к партии и коммунистическому и интернациональному и Носову Венгеровскому. Оказав, что первый был одним из первых читателей «Севастопольской страды».

Сергеев-Ценский

Сопротивление Севастополю революционировало не только Россию, но и Европу. С его осадой связан подъем национально-освободительных движений в Запале.

«Кремская война показала глупость и бессиле крепостной России», — говорил Левин. Эта истина подождала время оживленной и для современника Кремской войны, как некоторые из них и не желали открыться от нее.

Славянофил Иван Аксаков писал, что Севастополь должен был быть «такой же виллой в нем», — обличение всей гнилой правительственной системы, всех последствий удушающего принижения вой.

Однако, по мнению Маркса и Энгельса, «было ошибкой характеризовать войну против России как войну между свободой и деспотизмом», в этом случае Бонапарт явился бы явным защитником дела свободы... война имеет целью сохранение России, разрушения ее и всецелые договоры — как раз те договоры, которые уничтожают свободу и независимость нации». Война, начатая коалицией под предлогом обуздания агрессивных намерений русского царя в отношении Турции, стремительно перерастая в интервенцию против России с далеко зашедшими завоевательными планами: на западе, на севере и на юге предположительно двинутой России в пределах Великого княжества Московского.

И весь этот «пышный» план интервенции разбился вдребезги о сопротивление маленького крымского городка, о грудь русского народа, отстаивавшего этот городок как дьяву, которую сильнее расхаживать интересны для вторжения в глубь русской земли.

И Пальмерстон, и Лув-Наполеон, и обшарпанная империалистическими планами английская и французская буржуазия, чью волю

она они творили, — все они повалили, напорозились на Севастополь, чтобы один шаг в глубь евразийской земли — и самостоятельная осадка грозит обернуться второй отечественной войной. А еще היא была в памяти первой отечественной война русского народа, в которой сломал себе шею Наполеон — не «Малья», а Великий, — который не чета был таким старцам, как Котляков, Пеллисе, Раглан и другие!

«Слишком трудной, слишком милой, слишком неразделенной» — описывается русская земля, — заключает свою книгу автор «Севастопольской страды».

И его книга, создавая колоссальной художественной мощи и беззастенчивой любви к родине, призвана прежде всего дать понять и почувствовать это всем и каждому.

Генерал-майор артиллерии В. ВЛАДИМИРОВ.

ОТВЕЧЬТЕ: ПОЧЕМУ?

Артиллерийские задачи

В № 3 нашего журнала напечатан материал конursa на решение артиллерийских задач. Там рассуждалось об основах правильной устрйоства артиллерийских измерительных приборов и способах пользования ими.

В артиллерии много разных приборов для измерения углов, но в боевой обстановке нередко приходится определять угол немедленно, где бы и в ущерб точности. У каждого артиллерийского разведчика есть несколько поучривых приборов для измерения углов, с которыми все солдаты решают эти задачи. Таким простейшим измерительным прибором может служить любой прибор: угол, синичная коробка, карандаш и т. д. Надо лишь определять его величину в делениях угломера.

Как это сделать? Взяв измерительный предмет в руку и выткнув ее на уровне глаз (см. рис. 1), заметив какую часть пространства закрыл собой этот предмет. Затем любым измерительным прибором (биноклем, буссолом и т. п.), поставленным на то же место, измерим угол между правым и левым зрением пространства, за-

крытого измерительным прибором. Полученная величина и есть значение измеренного предмета в делениях угломера.

Есть целый ряд поучривых предметов стандартной величины, значения которых приращены определены в делениях угломера (см. рас. 2).

Вот приблизительная величина некоторых из них: ладонь руки согнутой между 120 делениями угломера; палец (указательный, средний, безымянный) — 30 делениями; синичная коробка: длина — 90, ширина — 60, толщина — 30; синичная ладья — 75, толщина — 31 карандаш: круглый (толщина) — 12, прямой (толщина) — 10.

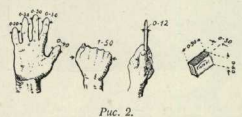

Рис. 2.

Но руки, пальцы, синичные коробки, синичная ладья и карандаш бывают разной длины и толщины.

ЗАДАЧА № 4

Заискрированная противотанковая пушка.

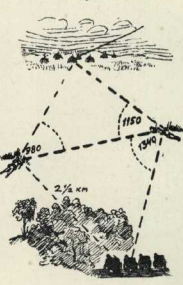

Рис. 3.

ЗАДАЧА № 5

Темная осенняя ночь. Температура +16°C. Артиллерийский разведчик с наблюдательного пункта

увидел вспышки стреляющей батареи противника и с помощью секундомера определил, что за-

Рис. 1.

Почему для большей точности измерений надо определять размеры, или, как говорят артиллеристы, «целу», перпендикулярно предмету.

Здесь помогает умение линейных величин тех предметов, которые наиболее часто встречаются на местности.

Вот линейные величины некоторых из них: рост человека 1,7—1,8 метра, высота сосны — 2,3 метра, длина разрывной авиационной бомбы — 7 метров, высота телескопической трубы — 6 метров, расстояние между телескопическими объективами — 50 метров, высота железнодорожного вагона — 3,5 метра, высота железнодорожной булки — 4 метра, высота ступени — 15 сантиметров, высота цита противотанкового орудия — 1 метр, длина шестеренчатой орудийной заправки — 15 метров, и т. д.

Эти цифры нужно знать наизусть, чтобы точно и быстро определять расстояния.

ЗАДАЧА № 6

Батарея разрыла дальномерную осевую точку (ДОТ). В ходе стрельбы снарядом на осевой позиции брыз разного веса (в пределах технического допуски). Разведчик вычислил направление на дальность стрельбы в зависимости от веса снаряда.

Отвечает: при большем или меньшем весе снаряда увеличивается прицельная дальность стрельбы и почему?

Формулировка полка В. И. Урица.

Ответственный редактор М. Г. Осипов.

А. 87833. Подп. к печати 1949—41 г. Изд. № 416. Формат 72x100 см. 4 н. л. 98.000 экз. в печ. л. Зак. 927. Тираж 45.000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КАРТИНЫ

Рисунки Д. Дубинского.

Текст И. Чеснокова и О. Васильева

I

Ученик девятого класса Вася Пятница неожиданно получил первую премию на районном конкурсе художников-самодельщиков автором картины (французская булка, редиска и чайник) привлек внимание членов жюри неординарностью и оригинальностью трактовки.

— На малом выйдет толк, — сказал председатель жюри. — Это — несомненное дарование.

— Больше того, это — явление, — подтвердили члены жюри. Эти слова глубоко зашли в душу впечатлительного Пятницы.

III

Целый месяц Пятница работал над эскизами для своей будущей картины. В классе его сидел на последней парте, делая разбросанные эскизы. После уроков художник записался в специально отведенную для него авторскую мастерскую. До поздней ночи Пятница размешивал краски и грелся масляной стрелочкой, путая уборы и ночные споры.

Выполнение домашних и классовых заданий временно пришлось прекратить. Мудреные пространные глаголы начали вылетать из головы мастера кисти, математические формулы и задачи были заброшены на проносясь судьбы.

II

На следующее утро Пятница поздравляла всю школу. Даже директор пришел в класс позвать руку молодому мастеру кисти.

— Ну, — сказал он, — приветствую, Вася. Надо тебе теперь и перинтонскому валялоу что-нибудь сделать.

— Что ж, мотивы произведений Лермонтова давно волнуют меня, — ответил художник.

— Делай дело. Празднуюю лыжную куртку лауреат смел на бархатную толстовку. Вместо выдвинутой толстовки над его лбом теперь красовалась мотушья пшеничка. И когда кто-то в шутку переделал фамилию Пятница в Пятниана, Вася с росеюшей улыбкой принял это как нечто должное.

IV

В день юбилей прототипный зал, где проходили лермонтовский вечер, был празднично украшен. После дмдлала позал директор и сказал:

— А теперь посмотрим подарок нашего молодого таланта. Вторым собранихом устремился на Васю Пятницу. Художник взглянул левитову, бросил ула — и зал увидел картину.

Наступило возможное молчание.

— Это что же, демон, что ли, с бородой? — оспороза спросил директор, глядя автором самостоим.

— Какой демон? — возмутился Пятница. — Это ж Черномор.

Все тронно рассмеялись.

..Ученик девятого класса Вася Пятница написал к лермонтовскому юбилею картину по мотивам поэмы «Руслан и Людмила».